

дента 3-го курса Ивана Пятикрестовскаго, а послѣ него предоставлять её одному изъ студентовъ семинарій—Московской, Виванской и Рязанской“.

Опредѣлили: 1) Приложенныя къ прошенію процентныя бумаги на сумму 6300 рублей передать въ Правленіе Академіи для присоединенія къ неприкосновенному капиталу оной, а священнику О. Михаилу Стефановичу Пятикрестовскому за означенное щедрое пожертвованіе выразить отъ Совѣта Академіи глубокую благодарность.—2) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи стипендіи имени священника *Михаила Стефановича и Параскевы Александровны Пятикрестовскихъ и Статскаго Совѣтника Θεодора Ивановича и Маріи Александровны Покровскихъ*.—3) Представить установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода слѣдующій проектъ положенія объ означенной стипендіи:

§ 1.

На проценты съ капитала, пожертвованнаго священникомъ Московской Космодамианской, на Покровкѣ, церкви Михаиломъ Пятикрестовскимъ и заключающагося въ восьми $3\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листахъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка на сумму *шесть тысячъ триста рублей (6300 р.)*, учреждается при Московской Духовной Академіи стипендія имени священника *Михаила Стефановича и Параскевы Александровны Пятикрестовскихъ и Статскаго Совѣтника Θεодора Ивановича и Маріи Александровны Покровскихъ*.

§ 2.

Капиталь этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими ея капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

На первое время стипендія предоставляется сыну жертвователя—студенту III курса Академіи Ивану Пятикрестовскому, а по окончаніи имъ академическаго курса или выбытіи изъ Академіи—назначается Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго, на четыре года одному изъ студентовъ I курса, получившему среднее богословское обра-

зованіе въ Московской, Виѣанской и Рязанской духовныхъ семинаріяхъ.

§ 4.

Въ случаѣ смерти стипендіата, а также добровольнаго выхода или увольненія его изъ Академіи прежде окончанія имъ полного академическаго курса,—стипендія считается свободною и назначается другому лицу порядкомъ, указаннымъ въ § 3 сего положенія.

§ 5.

Пользованіе стипендію не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

ХІІ. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковной археологіи и литургики *А. П. Голубцова*:

„Издавъ Чиновники Новгородскаго Софійскаго, Холмогорскаго Преображенскаго и Нижегородскаго Преображенскаго соборовъ, я желалъ бы и считалъ бы нужнымъ и полезнымъ приступить теперь къ напечатанію наиболѣе древнихъ и важныхъ Уставовъ нашего Московскаго Успенскаго собора. Оригиналлы ихъ находятся въ бывшей патріаршей, нынѣ Московской Синодальной библіотекѣ, рукописи которой по дѣйствующимъ нынѣ въ ней правиламъ могутъ высылаться для пользованія тѣмъ или другимъ учрежденіямъ и лицамъ съ разрѣшенія каждый разъ Святѣйшаго Синода. Снимать копии съ уставовъ въ Синодальной библіотекѣ, на мѣстѣ ихъ нахожденія, и вообще проживать подолгу въ Москвѣ по своему семейному и служебному положенію я не могу. Ввиду сказаннаго имѣю честь просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать чрезъ Владыку Митрополита предъ Св. Синодомъ о высылкѣ изъ Московской Синодальной библіотеки на трехмѣсячный срокъ въ Академію потребныхъ мнѣ двухъ рукописей № 93 и № 696, по Указателю преосвящ. Саввы (стрр. 219 и 264. М. 1858. Изд. 3.).“

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи Московской Синодальной Библіотекѣ выслать въ Академію, на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора *А. П. Голубцова*, указанныхъ въ его прошеніи рукописей за №№ 93 и 696.

ХІІІ. Письмо преподавателя Костромской духовной семинаріи *Сергѣя Ромаковского*:

„Найдя въ своей родовой библіотекѣ книгу—рукопись „Rhebus poëticus“, бывшую болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ, кажется, учебникомъ для студентовъ Московской Духовной Академіи, прошу принять оную въ даръ академической библіотекѣ, какъ любопытный памятникъ дѣятельности бывшихъ тружениковъ науки“.

Опредѣлили: Рукопись сдать въ фундаментальную академическую библіотеку, а жертвователю выразить отъ Совѣта Академіи искреннюю благодарность.

XIV. Отношеніе Нижегородской Духовной Консисторіи отъ 19 мая за № 7147:

„Духовная Консисторія, вслѣдствіе отношенія отъ 25 Апрѣля сего года за № 356, препровождаю при семъ дѣло по 1-му столу Консисторіи за № 968/182 о совращеніи, Арзамасскаго уѣзда, села Волчихи крестьяниномъ Василиемъ Максимовымъ православныхъ въ расколъ, покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи, по минованіи надобности, возвратить означенное дѣло въ Консисторію“.

Справка: Дѣло Нижегородской Духовной Консисторіи за № 968/182 передано въ фундаментальную академическую библіотеку для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалова.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Отношеніе Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 21 Юля за № 949:

„Указомъ Св. Синода отъ 11 марта текущаго 1905 года за № 2612 разрѣшено бывшему студенту II курса Московской Духовной Академіи Михаилу *Попцову* держать экзаменъ въ Казанской Духовной Академіи для поступленія на III-й курсъ ея.

Вслѣдствіе этого Совѣтъ Казанской Академіи покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Академіи сообщить баллы М. Попцова по поведенію за I и II курсы, затѣмъ—на какой группѣ специальныхъ предметовъ числился онъ—на словесной или исторической, какіе предметы слушалъ на I-мъ курсѣ и какіе—на II-мъ, какіе баллы получены имъ по устнымъ отвѣтамъ за I-й курсъ и за семестровыя сочиненія и проповѣди, писанныя на I-мъ и II-мъ курсахъ, и наконецъ, по какимъ изъ тѣхъ предметовъ, которые онъ слушалъ, чтеніе лекцій

заканчивается на I-мъ или II-мъ курсѣ и по какимъ изъ нихъ лекціи продолжаются и на слѣдующихъ курсахъ“.

Справка: Требуемыя свѣдѣнія о бывшемъ студентѣ Академіи Михаилѣ Попцовѣ сообщены Совѣту Казанской Духовной Академіи отношеніемъ отъ 9 сего августа за № 762.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи студента I курса Академіи Ипполита *Красновскаго*:

„Прилагая при семъ свидѣтельство пользующаго меня врача о продолжающейся моей болѣзни, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство оставить меня на томъ же первомъ курсѣ въ слѣдующемъ учебномъ году“.

Справка: 1) По утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Совѣта Академіи отъ 29 мая сего года студенту I курса Ипполиту Красновскому разрѣшено было, вслѣдствіе болѣзни, сдать устные испытанія по всѣмъ предметамъ I курса и представить 3-е семестровое сочиненіе послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ текущемъ августѣ мѣсяцѣ.— 2) По § 81 лит. а п. 5 устава духовныхъ академій „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Студента I курса Академіи Ипполита Красновскаго оставить, согласно его прошенію, по болѣзни, въ томъ же курсѣ на второй годъ, о чемъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

XVII. Прошенія:

а) Священника Оренбургской епархіи, Троицкаго уѣзда, Болотовскаго прихода Свмеона *Васильева*:

„Въ 1903-мъ году я окончилъ Миссіонерскіе въ г. Казани курсы по противомусульманскому отдѣлу, служить же мнѣ пришлось въ полураскольническомъ приходѣ и имѣть дѣло со старообрядческими начетчиками. Мнѣ, какъ совершенно не подготовленному къ этому роду дѣятельности, стоило большихъ усилій дать имъ, начетчикамъ, надлежащій отпоръ. Дѣло это, однако, пришлось мнѣ по душѣ, и я не переставалъ въ свободное время изучать старообрядчество, не отказывался отъ собесѣдованій и съ прѣзжими начетчиками (я велъ собесѣдованія съ Сюткинымъ и Токманцевымъ и, съ Божьею помощію, довольно удачно). Но все же, не имѣя

руководителя, не имѣя возможности слышать хорошихъ бесѣдъ, я чувствую себя очень тяжело при невозможности разрѣшить удовлетворительно тотъ или иной вопросъ въ любимой мною области, и мое сердечное желаніе—поучиться обличенію раскола, послушать образцовыя бесѣды со „столпами“ раскола. Ни диплома, ни соединенныхъ съ нимъ привилегій я не ишу, я желаю только учиться и учиться любимому предмету и вообще пополнить свое образованіе, благо есть къ тому возможность—небольшія средства и желаніе.

Почему имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи—не сочтетъ ли онъ возможнымъ зачислить меня съ будущаго учебнаго года вольнослушателемъ по предмету обличенія раскола.

Первоначальное образованіе я получилъ въ Казанской учительской семинаріи, курсъ которой кончилъ въ 1895 году, шесть лѣтъ служилъ сельскимъ учителемъ; женатъ, отъ роду имѣю 29 лѣтъ“.

б) Окончившаго курсъ частнаго реального училища К. К. Мазинга въ Москвѣ Николая *Ермолаева*:

„Представляя при семъ копіи документовъ, а именно: метрическаго свидѣтельства за № 8013, свидѣтельства о припискѣ къ призывному участку за № 171, свидѣтельства объ окончаніи седьмого дополнительнаго класса за № 345, аттестата объ окончаніи шести классовъ реального училища за № 344, кондуитнаго списка за № 2302 и послужного списка отца за № 11313, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство о приѣмѣ меня въ число вольнослушателей 1-го курса ввѣренной Вамъ Академіи“.

Справка: 1) § 115 устава духовныхъ академій: „Сверхъ студентовъ могутъ быть допускаемы къ слушанію академическихъ лекцій и постороннія лица, по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго“.—2) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 года за № 2737.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи допустить священника Оренбургской епархіи Сimeона Васильева и окончившаго курсъ реального училища Николая Ермолаева къ слушанію академическихъ лекцій, безъ предоставленія имъ какихъ либо правъ по отношенію къ соисканію академическихъ степеней и званій.

XVIII. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ психологіи *П. П. Соколова*:

„Представляя при семъ свое сочиненіе „Вѣра“ для соисканія степени магистра богословія, прошу Совѣтъ Академіи дать дѣлу надлежащій ходъ“.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию и. д. доцента *П. П. Соколова* передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ исторіи философіи *П. В. Тихомирову*.

XIX. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертациі исправляющаго должность доцента Академіи *П. П. Соколова* онъ назначаетъ члена Совѣта—заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ церковнаго права *Н. А. Заозерскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1905 г. Авг. 31. Смотрѣно“.

15 сентября 1905 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: *А. П. Шостыина*, *М. М. Тарѣва* и *Н. Г. Городенскаго*.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1905 г. Іюня 20. Въ Совѣтъ Московской Академіи“—циркулярный указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 7 іюня за № 7:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ отъ 28 мая сего года № 727, журналъ Учебнаго Комитета, за № 227, съ заключеніемъ Комитета о назначеніи въ текущемъ году въ составъ новообразуемыхъ курсовъ духовныхъ академій воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣтамъ духовныхъ академій вызвать къ подлежащему сроку изъ числа 176 семинарскихъ вос-

питанниковъ, рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами, въ составъ новыхъ академическихъ курсовъ 88 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, изъ нихъ а) въ *С.-Петербургскую академию*—25, по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Иркутской, Калужской, Костромской, Курской, Литовской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Подольской, Полтавской, Рижской, Рязанской, Смоленской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Томской, Холмской и Черниговской; б) въ *Кіевскую академию*—25, по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Владимірской, Волынской, Дояской, Калужской, Кишиневской, Кіевской, Костромской, Курской, Литовской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской и Харьковской; в) въ *Московскую академию*—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Виванской, Вологодской, Волынской, Иркутской, Могилевской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Подольской, Полтавской, Рижской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тифлисской, Томской, Тульской, Холмской и Черниговской и г) въ *Казанскую*—18, по одному воспитаннику изъ семинарій: Астраханской, Вологодской, Вятской, Донской, Иркутской, Казанской, Курской, Литовской, Орловской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тобольской, Томской, Уфимской и Харьковской: остальные затѣмъ казеннокоштные вакансіи въ академіяхъ С.-Петербургской—5, Кіевской—5, Московской—10 и Казанской—12 предоставить лучшимъ изъ имѣющихъ явиться въ качествѣ волонтеровъ; 3) поручить Совѣтамъ духовныхъ академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній въ академіяхъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требующія Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 12 января 1849 года, съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которыя явятся на экзаменъ не по вызову и будутъ приняты въ число воспитанниковъ академій, и 4) предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы при избраніи воспитанниковъ въ академіи: а) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ какъ по способностямъ, успѣхамъ въ ученіи и благонравіи,

такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, б) на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 19 марта 1871 года за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія отъ вступленія въ духовно-учебную службу, в) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки вмѣстѣ съ другими требуемыми документами избранныхъ воспитанниковъ непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академій черезъ самихъ воспитанниковъ, и г) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 4 мая 1905 года за № 2228 (Церк. Вѣд. № 21). Для должныхъ распоряженій и исполненія со стороны Совѣтовъ духовныхъ академій, послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому, Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же прочихъ Преосвященныхъ тѣхъ епархій, изъ которыхъ предназначается вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ въ академіи“.

Справка: Изъ вызванныхъ во исполненіе сего указа Святѣйшаго Синода воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ Академію къ пріемнымъ испытаніямъ прибыли 14 человекъ.— Не явились воспитанники семинарій: Могилевской, Подольской, Рижской, Смоленской, Томской и Холмской.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1905 г. Сент. 11. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 сентября за № 8895:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе окончившаго курсъ ученія въ Московской частной гимназій *Сергѣя Калиновскаго* о разрѣшеніи ему поступить въ Московскую Духовную Академію, безъ сдачи предварительныхъ испытаній при одной изъ духовныхъ семинарій по предметамъ семинарскаго образованія. Приказали: Обсудивъ на-

стоящее прошеніе и руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 г., Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи допустить Калиновскаго, въ видѣ изъятія, къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ академіи, безъ предварительнаго экзамена при духовной семинаріи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

в) Отношенія 14-ти Правленій духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ назначенныхъ ими къ поступленію въ составъ новаго (LXIV) академическаго курса воспитанниковъ:

Витебской—Николая Околовича,
Вифанской—Василія Виноградова,
Вологодской—Стефана Заслоновскаго,
Волынской—Николая Концевича,
Иркутской—Аркадія Занкевича,
Московской—Николая Кудрявцева,
Новгородской—Ардаліона Вѣщезерскаго,
Олонецкой—Василія Тихомірова,
Полтавской—Макарія Новицкаго,
Рязанской—Александра Тріодина,
Тверской—Николая Трунева,
Тифлисской—Павла Севастьянова,
Тульской—Михаила Чубарова,
Черниговской—Александра Введенскаго.

г) Заявленіе Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, о томъ, что всѣ лица, явившіяся для поступленія въ составъ новаго академическаго курса по собственному желанію, въ качествѣ воловтеровъ (34 студента духовныхъ семинарій, изъ коихъ 1 священникъ и 1 іеромонахъ: боснійскій уроженецъ—воспитанникъ Призренской духовной семинаріи Георгій *Георгіевичъ* и окончившій курсъ Московской Поливановской гимназіи Сергѣй *Калиновскій*) были допущены имъ къ пріемнымъ испытаніямъ.—Послѣднія, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 2—22 марта 1904 года за № 1186, произведены были, въ предѣлахъ семинарскаго курса,—по *Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завета* (какъ двумъ отдѣльнымъ предметамъ), *догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи* (до раздѣленія

церквей) и по одному из древнихъ языковъ, по выбору экзаменующихся.—Независимо отъ сего экзаменующіеся писали на заданныя темы сочиненія: по *библейской исторіи*, *философіи* и *поученію*.—Воспитанникъ Рязанской духовной Семинаріи Василій *Маковъ*, представившій три письменныя работы и выдержавшій одинъ устный экзаменъ по Священному Писанію Новаго Завѣта, былъ вынужденъ затѣмъ прекратить сдачу испытаній, такъ какъ тяжело заболѣлъ брюшнымъ тифомъ и помѣщенъ былъ для излѣченія въ Сергіевопосадскую лѣчебницу Московскаго Губернскаго Земства.

д) Донесеніе врача академической больницы Сергѣя Успенскаго съ приложеніемъ списка лицъ, прибывшихъ для поступленія въ составъ новаго академическаго курса, которыхъ онъ, въ присутствіи о. Инспектора Академіи и одного члена Правленія, свидѣтельствовалъ въ отношеніи тѣлосложенія и здоровья.—Изъ отмітокъ доктора въ списокѣ видно, что всѣ поименованныя въ немъ лица могутъ продолжать свое образованіе въ Академіи.

е) Донесенія экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ LXIV курса академій, о достоинствахъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ:

аа) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по *Священному Писанію Ветхаго Завета*:

„Державшимъ повѣрочное испытаніе по Ветхому Завету предлагались вопросы троякаго рода. Въ однихъ требовалось связанное изложеніе содержанія главъ и цѣлыхъ отдѣловъ каноническихъ книгъ Ветхаго Завета; въ другихъ предлагалось выяснить взгляды того или другого священнаго писателя на извѣстный предметъ, въ третьихъ, наконецъ, испрашивалось объясненіе славянскаго текста библіи и указаніе пророческихъ мѣстъ. Наиболѣе удачными были отвѣты на послѣдніе вопросы. Студенты довольно твердо знали мессіанскія мѣста въ библіи и въ большинствѣ случаевъ могли передать ихъ наизусть. Славянскій текстъ въ общемъ истолковывался правильно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ Іова и Екклесіаста. На вопросы, требовавшіе знанія содержанія библіи и ея систематическаго изложенія по главамъ и предметамъ, отвѣты были

значительно слабѣе, не смотря на всю важность вопросовъ. Въ общемъ однако отвѣты всѣхъ студентовъ семинаріи были удовлетворительны“.

бб) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по Священному Писанію Новаго Завета*:

„Экзаменовавшіеся въ общемъ дали удовлетворительные отвѣты,—безъ затрудненій отыскивали глухо помѣченные на билетахъ тексты,—довольно свободно и въ немаломъ количествѣ приводили параллельныя мѣста во время отвѣтовъ, при попутныхъ вопросахъ экзаменаторовъ,—давали болѣе и менѣе правильное толкованіе вербальнаго смысла,—наибольшія затрудненія и теперь, какъ и прежде, представляли: греческій подлинникъ новозавѣтнаго текста и логическій строй движенія мыслей — особенно въ посланіяхъ Ап. Павла“.

вв) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по догматическому богословію*:

„Почти всѣ подвергавшіеся испытанію студенты семинаріи обнаружили очень хорошее знаніе учебника по догматическому богословію. Нѣкоторые изъ нихъ показали знаніе и исторіи догматовъ, приобрѣтенное ими, повидимому, изъ уроковъ ихъ учителей, а не путемъ чтенія книгъ. Но насколько прочно усвоены ими не только основанія, но и подробности христіанскаго вѣроученія, сказать трудно, принимая во вниманіе то, что они изучали его въ послѣдніе два года пребыванія въ семинаріи и не имѣли еще времени забыть и, кромѣ того, освѣжили свои познанія въ теченіе вакаціи и въ дни, назначенные для подготовки къ экзамену въ Академіи. Какихъ либо особенностей въ отвѣтахъ студентовъ, которыя давали бы основанія для заключеній о характерѣ и достоинствѣ преподаванія догматики въ той или иной семинаріи, замѣчено не было“.

гг) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по общей церковной исторіи*:

„Изъ 49 экзаменовавшихся 11 дали очень хорошіе отвѣты (5, 5—); 23—хорошіе ($4\frac{1}{2}$, 4+, 4, 4—), 9—посредственные ($3\frac{1}{2}$, 3+, 3, 3—) и 6—слабые ($2\frac{1}{2}$, 2, 2—, 1). Общій результатъ экзамена выражается въ среднемъ выводѣ балломъ 3, 8 и, потому, можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Лучшіе отвѣты (5) даны присланными Внѣан., Волог., Моск.,

Ряз., и Тифл. и волонтерами Волог. и Харьк. Комиссія на этотъ разъ можетъ отмѣтить очень пріятное явленіе: нѣкоторые воспитанники семинарій, правда, очень немногіе, (Вие., Волог., Моск. и Ряз.) въ своихъ отвѣтахъ обнаруживали независимость отъ учебника и знакомство съ существующей у насъ церковно - исторической литературой. Худшіе отвѣты дали волонтеры Влад., Донской, Моск., Ряз., Поливановской гимн. и присланный Иркутскій. Здѣсь наблюдались признаки поразительнаго невѣжества, — полное незнакомство съ такими крупными явленіями церковной исторіи, какъ напр. дѣятельность Златоуста (Донс.), Оригена, иконоборческія движенія (Иркут.), исторія гоненій (Моск.), жизнь Антонія и Пахомія (присл. Тверской) и даже совершенное невѣдѣніе относительно основныхъ церковно - историческихъ фактовъ (вол. Поливан. гимн.). Выводить на основаніи этихъ данныхъ какія-либо заключенія о постановкѣ преподаванія церковной исторіи въ той или другой семинаріи едва ли возможно, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ все дѣло зависѣло отъ личнаго усердія экзаменующагося. Но все-таки любопытно привести статистическія данныя о тѣхъ семинаріяхъ, изъ которыхъ явилось болѣе, чѣмъ по два представителя. Такъ, при 5 экзам. Ряз. средній выводъ 3, 8; при 3 Вие.—4; при 12 Моск. 4, 1; при 3 Волог. 4, 7. Въ качествѣ общаго впечатлѣнія отъ экзамена комиссія считаетъ своимъ долгомъ выразить пожеланіе воспитанникамъ семинарій болѣе сознательнаго и свободнаго отношенія къ учебнику“.

дд) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по латинскому языку*:

„На экзаменъ по латинскому языку изъ числа прибывшихъ къ пріемнымъ испытаніямъ явилось 39 человекъ. Отъ экзаменовавшихся требовался, какъ и въ предшествующіе годы, переводъ нѣсколькихъ стиховъ изъ Энеиды Виргилія, при чемъ обращалось вниманіе на усвоеніе экзаменовавшимися латинской грамматики, а также на знакомство ихъ съ лексикономъ и навыкъ читать латинскихъ писателей въ подлинникахъ. Отвѣтовъ неудовлетворительныхъ совсѣмъ почти не было; но и отвѣчавшихъ вполне хорошо было мало. Лучшіе отвѣты (5 и 5—) дали два воспитанника Виеанской семинаріи и по одному изъ числа воспитанниковъ семина-

рій: Витебской, Вологодской, Московской, Рязанской и Тульской“.

ее) Донесеніе комиссіи, производившей испытаніе *по греческому языку*:

„Всѣ экзаменовавшіеся по греческому языку дали хорошіе отвѣты. Средній баллъ выше 4-хъ. Въ переводѣ и разборѣ сочиненій Ксенофонта не затруднялись. Слабую сторону отвѣтовъ составляли ошибки въ спряженіи греческихъ глаголовъ, особенно неправильныхъ“.

жж) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія *по библейской исторіи*:

„Для сочиненія по Библейской Исторіи прибывшимъ на пріемныя испытанія предложена была тема: „*Воспитательное значеніе Библейской Исторіи*“. Поступило всего на эту тему 50 сочиненій, изъ коихъ 48 принадлежатъ студентамъ семинарій, одно—окончившему курсъ гимназіи и одно—боснійскому уроженцу, воспитаннику Призренской семинаріи.

Общее впечатлѣніе отъ представленныхъ сочиненій можно характеризовать не употребляя слишкомъ мрачныхъ красокъ, хотя у авторовъ нельзя утаивать нѣкоторыхъ болѣе или менѣе важныхъ и малопростительныхъ для студента промаховъ. Есть и общій недостатокъ—почти всѣхъ сочиненій, за исключеніемъ развѣ наиболѣе лучшихъ, принадлежащихъ присланнымъ студентамъ—Волинской, Виѣанской, Рязанской, Тверской и Московской семинарій (худшія изъ сочиненій принадлежатъ—кстати сказать—тоже Московской). Большинство студентовъ отвѣчали на поставленный темою вопросъ шаблонными разсужденіями о томъ, какъ Богъ воспитывалъ народъ Израильскій, награждая за вѣрную Его закону жизнь благополучіемъ, за уклоненіе же отъ этого закона наказывая бѣдствіями. За этимъ общимъ положеніемъ, безъ особенной нужды поясняемымъ самими общезвѣстными фактами изъ Библейской Исторіи, обычно слѣдуетъ выводъ, что изученіе этой исторіи имѣетъ воспитательное значеніе и для христіанъ, утверждая и укрѣпляя въ нихъ мысль, что вѣрующему христіанину Богъ поможетъ во всемъ, а за невѣріе можетъ и здѣсь на землѣ наказать внѣшними бѣдствіями. Многіе студенты не избѣжали и здѣсь излюбленной манеры писателей по схоластическому

шаблону, планируя свое сочиненіе сообразно тремъ способностямъ человѣческаго духа (умъ, сердце или чувство и воля) или тремъ высшимъ добродѣтелямъ (вѣра, надежда, любовь) и всѣми правдами и неправдами подгоняя подъ эту троѣственность воспитательныя свойства Библейской Исторіи. Есть случаи, когда авторы въ особыхъ вступленіяхъ находятъ нужнымъ разяснять себѣ и безъ того простой смыслъ темы, причемъ это разясненіе увлекаетъ нѣкоторыхъ въ разсужденія о воспитательномъ значеніи *вообще науки*, и затѣмъ—опять таки въ строгомъ и точномъ смыслѣ *науки* Библейской Исторіи. Наконецъ, заслуживаетъ упоминанія совершенно неожиданный выводъ одного автора, что „воспитательное значеніе Библейской Исторіи... состоитъ въ томъ, что систематически излагая все содержащееся въ книгахъ Библии, она облегчаетъ знакомство съ Библейской Исторіей и даетъ возможность познакомиться съ Библейской Исторіей (*сама съ собой!*) по Библии, познакомиться болѣе легко въ наукѣ Библейской Исторіи“...

Такой *легкій* взглядъ на науку, очевидно воспитанный на Семинарскихъ учебникахъ и приѣмахъ преподаванія, не чуждъ курьезной наивности, и отмѣчается здѣсь, какъ характерный показатель возможности смѣшенія науки съ учебникомъ и вообще недостаточно сознательныхъ стремленій къ чистой наукѣ и даже представленій о ней, быть можетъ, во многихъ студентахъ семинарій, познающихъ науку лишь за предѣлами послѣднихъ.

Встрѣчаются, затѣмъ, въ сочиненіяхъ и выраженія, болѣе или менѣе неудачныя и грубыя болѣе или менѣе—грамматическія ошибки. Одинъ изъ волонтеровъ (Московскихъ) пишетъ: „если... жизнь нравственная затемняется, то и царство падаетъ, умалывается, которое ясно намъ представляетъ исторія еврейскаго народа, изъ которой видно, какъ они (?) прогрессируютъ во всѣхъ отрасляхъ жизни, когда она высока“. Этому же автору принадлежатъ выраженія, что Библейская Исторія „воспитываетъ насъ быть истинно вѣрующими“...—„послушными орудіями Бога во всѣхъ дѣйствіяхъ, бѣдствіяхъ, не разсуждая о томъ, справедливо ли это, какъ горшокъ не можетъ обратиться къ горшечнику... и т. д. Другіе пишутъ; „надѣяться себѣ будущихъ благъ“ (Волог.), „милосердіе Божіе, Который“ (*idem.*), „Богъ жестоко каралъ

нечестивцевъ“ (Моск.), „надъ всѣмъ тяготѣетъ рука Промысла Божія“ (Внѣ.), „ее коснемся“ (Курск.), „Значеніе ее“ (Ирк.), „величина мысли“ (Моск.) и др. Не безъ страданій и ореографія—въ слѣдующихъ, наприм., случаяхъ: поколеній (Моск.), повѣтствуя (3 раза, Тульск.), течи, вм. течъ (2 раза), не-не (вм. ни-ни), оправдующей, отдельный (Пенз.), благоволеніе (3 раза), разскаеніе (Олон.), благодѣнствіе (Смол.), со всѣю энергією (Моск.), свѣтилища (Ряз.), и др.

При всемъ этомъ, мы находили возможнымъ—не отмѣчать ни одного сочиненія вовсе неудовлетворительнымъ балломъ, въ нѣкоторыхъ же съ отрадою видимъ всѣ задатки въ будущемъ полезной, плодотворной и серьезной работы для науки“.

зз) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія по философіи:

„Для письменнаго испытанія по философіи экзаменуемымъ дана была тема: „Критическія замѣчанія на Декартовы критеріи истины—субъективный (ясность и отчетливость) и объективный (правдивость Божества)“. Требовавшіяся для выполненія поставленной задачи познанія по исторіи философіи и способность къ самостоятельной критикѣ обнаружены экзаменуемыми въ удовлетворительной степени. За исключеніемъ дедукціи объективнаго критерія, которой не далъ почти никто изъ писавшихъ, изложеніе Декартова ученія не страдаетъ сильно замѣтными недостатками. Критика въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ философской переходила въ богословскую,—съ неизбѣжнымъ, въ подобныхъ случаяхъ, упоминаніемъ о грѣхопаденіи Адама и Евы; но въ общемъ надо сказать, что въ нынѣшнемъ году такая теологическая аберація семинарскаго философствованія замѣчается сравнительно рѣже, чѣмъ прежде. По части стиля и грамотности экспромпты нынѣшняго года производятъ сравнительно хорошее впечатлѣніе; но рѣдкія печальныя исключенія всетаки есть. Лучшія сочиненія принадлежатъ студентамъ семинарій—Московской, Тверской (баллъ 5), Виѣанской, Вологодской (5—) и Волынской (4¹/₂), худшія—Тифлисской и Владимірской (2¹/₂)“.

ии) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей *поученіе*:

„Для проповѣди былъ данъ текстъ Еккл. I, 17—18. При оцѣнкѣ рецензенты приложили не узко-гомилетическую, а

общую богословско-литературную точку зрѣнія. Не было подвергнуто оцѣнкѣ, на сколько избранная каждымъ писавшимъ тема соотвѣтствуетъ данному тексту и отвѣчаетъ проповѣдническимъ цѣлямъ. Ни одинъ изъ писавшихъ не далъ себѣ труда вникнуть въ подлинный смыслъ текста и логически связать съ нимъ содержаніе проповѣди, ни одинъ не писалъ для опредѣленныхъ слушателей. Разсуждали вообще о премудрости, наукѣ, счастьи, спасеніи, благодати. Проповѣдь оказалась при такихъ условіяхъ широкимъ испытаніемъ богословскаго запаса экзаменовавшихся и ихъ литературныхъ приѣмовъ. Въ первомъ отношеніи обнаружилась недоброкачественность богословскаго направленія, или міросозерцанія. Считали необходимымъ грязнить разумъ и науку, издѣваться надъ недочетами культурнаго прогресса. Находили возможнымъ черпать содержаніе не изъ положительныхъ убѣжденій, не изъ собственного сокровища, а изъ мнимыхъ, или, во всякомъ случаѣ, преувеличенныхъ недостатковъ чужого, чѣмъ признавалась наука, разумъ и прогрессъ,—болѣе всего склонны громить, порицать и угрожать. Напротивъ, замѣчается страшная пустота въ положительныхъ идеалахъ, въ собственныхъ убѣжденіяхъ, подозрѣваешь полное отсутствіе хорошаго богословскаго запаса, полное отсутствіе своихъ мыслей по затронутымъ вопросамъ о наукѣ и евангеліи, чувствуешь чужія слова, рѣжущія ухо фальшью. Всѣ эти фразы о гордости лжеименнаго разума, о смиренной вѣрѣ, о суетѣ мірскаго прогресса, о сладости благодатнаго озаренія—звучатъ вопіюще неискренностью, надорванностью, безпочвенностью, потому что нѣтъ въ ихъ основѣ ни собственного религіознаго опыта, ни достаточнаго знакомства съ мірскою наукою, скорѣе самыя писанія свидѣтельствуютъ о поразительномъ религіозномъ легкомысліи и о полномъ безправіи разсуждать о принципахъ мірскаго разума. Понимаешь, почему интеллигентнымъ мірянамъ становятся отвратительны понятія духовно-религіозной жизни, о которыхъ слышится такое косноязычіе. Присоедините сюда крайнюю литературную неряшливость. Такимъ образомъ и съ внутренне-богословской и съ вѣнше-литературной стороны чтеніе проповѣдей производитъ удручающее впечатлѣніе. Пишутъ: „Евангеліе заповѣдуетъ совершенствоваться нутро, а люди совершенствуютъ форму земли... Пріобрѣтеніе познаній наводитъ

болѣзни и, все равно, ведетъ къ смерти. Сколько ни учись, все равно помрешь. Народы открываютъ школы, но спасся ли хоть одинъ человѣкъ ученіемъ отъ смерти?.. Для человѣка съ поврежденными нравственными и умственными способностями самое познаніе становится болѣзненнымъ... Мудрость есть суета (sic), томленіе духа, напрасный трудъ и человѣкъ умретъ, можетъ быть, не оставивъ потомства... (Порицательно:) Теоріи мудрецовъ разрушаютъ иллюзіи человечества"... Постоянно встрѣчаются такія искры краснорѣчія: „органическія и неорганическія существа... занятіе человѣческой мудростью,... господственная склонность... щекочемые самолюбіемъ... говореніе сквозь сонъ... познаніе затруднимо... изъ-за ученія можно намъ переговариваться и переписываться въ нѣсколько минутъ сотни верстъ... разъ достигнувъ духовныя богатства, они никогда не отпадутъ отъ насъ... такъ говоритъ премудрый, опыты жизни показали которому"... Рѣзко бросается въ глаза пренебреженіе къ установившимся правиламъ орѳографіи: „бедный Іаннь Злат. (3 раза въ одномъ поученіи)... удовлетвореніе... сознать... преумножать... усмотреніе... быть полнѣйшемъ невѣждой... всемъ сердцемъ... индеферентизмъ“ и т. д. Въ иныхъ случаяхъ такіе недостатки просто можно было бы объяснить спѣшностью работы. Но высокомѣрное отношеніе къ разуму и мірской наукѣ, вставленное въ рамку такой безграмотности, такой литературной неряшливости—это невольно обращаетъ на себя вниманіе!.. Только немногія поученія страдаютъ указанными недостатками не въ сильной степени“.

ж) Представленные экзаменаціонными коммиссіями списки съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ явившимися въ Академію лицами на повѣрочныхъ испытаніяхъ, и общую табель сихъ балловъ, составленную секретаремъ Совѣта по окончаніи испытаній.

Справка: 1) §§ 111—113 устава духовныхъ академій: „Желающіе поступить въ академію допускаются къ повѣрочному испытанію, если представляютъ установленный аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи курса наукъ семинаріи, и принимаются не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи означеннаго испытанія. *Примѣчаніе.* Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для допущенія къ пріемно-

му въ духовныя академіи экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія.—Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по вызову академій, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—казеннокоштными студентами, а остальные—своекоштными.—Своекоштные студенты допускаются въ Академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ Академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ; число ихъ опредѣляется вмѣстительностью академическихъ зданій. *Примѣчаніе.* Въ зданіи академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей. 2) Предложенныхъ резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 27 мая 1902 года за № 2171 къ руководству „Дополнительныхъ правилъ о приѣмѣ въ студенты Академіи“ а) § 1: „Выдержавшими приѣмныя испытанія въ Академію признаются тѣ изъ державшихъ экзаменъ воспитанниковъ, которые займутъ въ спискѣ мѣсто не ниже 50; прочіе же всѣ, независимо отъ того, имѣютъ ли они или не имѣютъ въ городѣ родителей, объявляются въ Академію не принятыми“; б) § 2: „За условнымъ среднимъ балломъ, установленнымъ существующими академическими правилами, сохраняется значеніе лишь минимума требованій отъ поступающихъ въ Академію, не удовлетворившіе которому не могутъ поступить въ Академію даже и въ томъ случаѣ, если норма не будетъ заполнена“; в) § 6: „Всегда однако же должно быть строго наблюдаемо, чтобы число принимаемыхъ сверхъ нормы (иностранцевъ и окончившихъ полный университетскій курсъ), не превышало 10, такъ, чтобы число всѣхъ студентовъ I-го курса не превышало 60“.—3) Окончившаго курсъ Призренской духовной семинаріи Георгія *Георгіевича* разрѣшено было допустить къ приѣмнымъ испытаніямъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 3 іюня 1905 года за № 5614, съ назначеніемъ, въ случаѣ принятія въ число студентовъ, на его содержаніе въ Академіи особой стипендіи изъ Синодальныхъ суммъ.—4) По § 81 лит. б. п. 1 академическаго устава „зачисленіе въ студенты академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) По вниманію къ достоинству устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ лицами, державшими по-рѣбочныя испытанія для поступленія въ составъ новаго (LXIV) академическаго курса, — ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса Академіи:

1. Виноградова Василія, присланнаго изъ Виѣанской сем.,
Кудрявцева Николая, присланнаго изъ Московской сем.,
Концевича Николая, присланнаго изъ Волынской сем.,
Триодина Александра, присланнаго изъ Рязанской сем.,
5. Трунева Николая, присланнаго изъ Тверской сем.,
Заслоновскаго Стефана, присланнаго изъ Вологодск. с.,
Околовича Николая, присланнаго изъ Витебск. сем.,
Вѣщезерскаго Ардаліона, присланнаго изъ Новгород. с.,
Левитова Алексѣя, волонтера изъ Рязанской сем..
10. Севастьянова Павла, присланнаго изъ Тифлисскаго сем.,
Тихомирова Василія, присланнаго изъ Олонецкаго сем.,
Чубарова Михаила, присланнаго изъ Тульской сем.,
Нечаева Николая, волонтера изъ Московск. сем.,
Щетинина Александра, волонтера изъ Вологодск. сем.,
15. Ключева Алексѣя, волонтера изъ Пензенскаго сем.,
Наумова Сергѣя, волонтера изъ Московской сем.,
Соколова Владиміра, волонтера изъ Московской сем.,
Поспѣлова Ивана, волонтера изъ Московской сем.,
Шурупова Сергѣя, волонтера изъ Виѣанскаго сем.,
20. Звѣздінскаго Николая, волонтера изъ Московской сем.,
Введенскаго Александра, присланнаго изъ Чернигов. с.,
Назарѣва Николая, волонтера изъ Смоленскаго сем.,
Черкасова Владиміра, волонтера изъ Рязанскаго сем.,
Калишевича Евстафія, волонтера изъ Московской сем..
25. Самарянова Александра, волонтера изъ Костромскаго с.,
Теплова Василія, волонтера изъ Рязанскаго сем.,
Соловьева Сергѣя, волонтера изъ Московской сем.,
Новицкаго Макарія, присланнаго изъ Полтавскаго сем.,
Аѳонскаго Федора, волонтера изъ Виѣанскаго сем.,
30. Рождественскаго Григорія, волонтера изъ Харьковск. с.,
Іеромонаха Палладія, волонтера изъ Харьковскаго сем.,
Попова Петра, волонтера изъ Курскаго сем.,
Суханова Александра, волонтера изъ Рязанскаго сем.,
Литвиненко Александра, волонтера изъ Одесскаго сем.,

35. Георгіевича Георгія, босн. урожен., вол. Призренской сем.,
Занкевича Аркадія, присланнаго изъ Иркутской сем.,
Свящ. Васильева Іоанна, волонтера изъ Донской сем.,
Попова Павла, волонтера изъ Вологодской сем.,
Скворцова Николая, волонтера изъ Московской сем.,
40. Ярославцева Петра, волонтера изъ Тифлиской сем.,
Соколова Александра, волонтера изъ Московской сем.,
Смирнова Димитрія, волонтера изъ Московской сем.,
Соловьева Владиміра, волонтера изъ Московской сем.,
Сяѣгирева Александра, волонтера изъ Владимірской с.,
45. Кронтовскаго Николая, волонтера изъ Пензенской сем.,
Пятницкаго Владиміра, волонтера изъ Московской сем.,
Лебедева Сергѣя, волонтера изъ Московской семинаріи, и
Давыдова Алексѣя, волонтера изъ Владимірской сем.

2) Окончившему курсъ Московской частной Поливановской гимназіи Сергѣю *Калиновскому* отказать въ приѣмѣ, по недостаточной подготовленности его къ слушанію академическихъ лекцій.—3) Изъ принятыхъ въ Академію — значащихся въ спискѣ подъ №№ 1—30 зачислить на казенныя стипендіи, подъ №№ 31—34 и 36—40—на стипендіи частныя (подробнѣе объ этомъ — въ статьѣ V журнала настоящаго собранія), а остальнымъ предоставить содержаться на собственные средства.—4) О приѣмѣ въ число студентовъ I курса Академіи боснійскаго уроженца Георгія *Георгіевича* сообщить Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ для ассигнованія на его содержаніе въ Академіи съ 16-го августа сего 1905 года потребной суммы.—5) Всѣхъ студентовъ помѣстить въ зданія Академіи.—6) Предоставить О. Инспектору Академіи Архимандриту Іосифу собрать отъ студентовъ, принятыхъ въ составъ I курса, собственноручныя заявленія о томъ, какой (первой или второй) группы предметы и какой изъ древнихъ и новыхъ языковъ они желаютъ избрать для спеціальнаго изученія въ теченіи академическаго курса.—7) По утвержденіи журнала настоящаго собранія Его Высокопреосвященствомъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новаго (LXIV) академическаго курса съ приложеніемъ: а) списка студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, державшихъ повѣрочныя испытанія въ Академіи, съ обозначеніемъ достоинства ихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, и б) копій донесеній экзаменаціонныхъ комиссій.

II. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи студента Рязанской духовной семинаріи *Василія Макова*:

„Пріѣхавши въ Московскую Духовную Академію держать пріемные экзамены и выдержавши изъ нихъ четыре — три письменныхъ и одинъ устный, я тяжело заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Теперь, чувствуя, что силы мои возстановляются, и не желая терять наступающаго учебнаго года, покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Преосвященство, исходатайствовать мнѣ предъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи право додержатъ остальные пріемные экзамены по началѣ учебныхъ занятій Академіи, когда силы мои совершенно окрѣпнутъ“.

Справка: Представленныя студентомъ *Маковымъ* письменныя работы отмѣчены были экзаменаціонными коммиссіями слѣдующими баллами: по библейской исторіи — 4, по философіи — $3\frac{1}{2}$ и поученіе — $3\frac{1}{2}$; устный отвѣтъ его на испытаніи по Священному Писанію Новаго Завѣта — балломъ 5—.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи допустить студента Рязанской духовной семинаріи *Василія Макова*, постигнутаго во время пріемныхъ испытаній тяжкою болѣзнію, но находящагося нынѣ, по свидѣтельству пользующихъ его врачей *Сергіево-посадской земской лѣчебницы*, на пути къ полному выздоровленію, въ видѣ изъятія изъ общаго правила, — къ сдачѣ остальныхъ устныхъ пріемныхъ испытаній: по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи и одному изъ древнихъ языковъ, дабы, въ случаѣ успѣшнаго выдержанія имъ оныхъ, могъ быть возбужденъ вопросъ о принятіи *Макова* въ число студентовъ I курса Академіи.

III. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи надзирателя Московской духовной семинаріи *Александра Зетрева*:

„Въ 1904 году я выдержалъ пріемныя испытанія въ Московскую духовную Академію, но за недостаткомъ помѣщенія въ число студентовъ принять быть не могъ. Эта неудача не искоренила во мнѣ желанія получить высшее образованіе и я имѣлъ твердое намѣреніе держать снова нынѣшній уже годъ экзаменъ въ академію, но болѣзнь не позволила осу-

ществиться моему желанію—весь почти августъ я проболѣлъ. Ваше Преосвященство, я осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ со всепокорнѣйшею просьбою: не найдете ли Вы возможнымъ походатайствовать предъ Совѣтомъ Академіи о принятіи меня въ число студентовъ I курса безъ экзамена на основаніи прошлогоднихъ моихъ балловъ.

Слѣдующія обстоятельства даютъ мнѣ смѣлость беспокоить Васъ подобною просьбою: во 1-хъ, нынѣшній годъ есть свободныя вакансіи на I курсѣ, во 2-хъ, пріемныя испытанія, хотя и прошлый годъ, но все-таки мною выдержаны, въ 3-хъ, только лишь болѣзнь не позволила мнѣ держать нынѣшній годъ экзамена въ академію“.

Справка: 1) По утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Совѣта Академіи отъ 29 сентября 1903 года студентъ Московской духовной семинаріи выпуска 1903 года Александръ Звѣревъ 2-ой принятъ былъ въ число вольныхъ слушателей академическихъ лекцій, каковымъ и состоялъ въ теченіи всего 1903—1904 учебнаго года.—2) Въ августѣ мѣсяцѣ 1904 года студентъ семинаріи Звѣревъ явился къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ I курса академіи; по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 13-го сентября означеннаго года признанъ былъ удовлетворительно выдержавшимъ оныя, но зачисленъ въ студенты Академіи не былъ по недостатку помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ.—3) На устныхъ пріемныхъ испытаніяхъ 1904 года (по тѣмъ же предметамъ, что и въ текущемъ 1905 году) студентъ Александръ Звѣревъ получилъ слѣдующіе баллы: По Священному Писанію Ветхаго Завѣта—4+, по Священному Писанію Новаго Завѣта—5—, по догматическому богословію—4+, по общей церковной исторіи — 5—, и по греческому языку—3—. Письменные работы его отмѣчены были баллами: по нравственному богословію — 2, по психологіи—3—, и поученіе—3. По симъ балламъ студентъ Звѣревъ въ общемъ разрядномъ спискѣ студентовъ духовныхъ семинарій, принимаемыхъ въ составъ I академическаго курса въ текущемъ 1905 году, могъ бы занять 45-ое мѣсто.—4) § 81 лит. б п. 1 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: Обращая справедливое вниманіе на обнаруженное студентомъ Московской духовной семинаріи выпуска 1903 года (нынѣ надзирателя той же семинаріи) Александръ

ромъ Звѣревымъ настойчивое стремленіе къ полученію высшего богословскаго образованія, признанную уже Совѣтомъ Академіи въ 1904 году достаточную подготовленность его къ прохожденію академическаго курса наукъ и незаполненность въ текущемъ году нормы состава I курса,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять Звѣрева въ число *своекоштныхъ* студентовъ I-го курса Академіи безъ вторичнаго конкурснаго испытанія.

IV. Прошеніе окончившаго курсъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по физико-математическому факультету съ дипломомъ 2-ой степени (выпуска 1892 года) Владимира *Либермана*:

„Желая получить богословское образованіе въ Московской Духовной Академіи, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство зачислить меня въ число студентовъ I-го курса.

При семъ прилагаю слѣдующіе документы:

- 1) метрическое свидѣтельство о крещеніи,
- 2) дипломъ объ окончаніи курса въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ,
- 3) свидѣтельство о принадлежности къ дворянскому сословію.

4) послужной списокъ,

4) паспортную книжку,

6) свидѣтельство о присоединеніи къ православной Церкви“.

Справка: „Дополнительныхъ правилъ о приѣмѣ въ студенты Академіи § 5: „Лица, кончившія съ успѣхомъ полный университетскій курсъ, если они будутъ имѣть право жить на квартирѣ (§ 113, прим.), принимаются Совѣтомъ безъ экзамена и сверхъ нормы. При желаніи же занять стипендію или поступить въ академическое общежитіе, подвергаются конкурсному испытанію наравнѣ съ прочими“.

Опредѣлили: Въ виду незаполненности въ текущемъ 1905 году установленной „Дополнительными правилами“ нормы состава I курса (50 человѣкъ), ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять окончившаго полный университетскій курсъ Владимира *Либермана* въ число *своекоштныхъ* студентовъ I курса Академіи безъ экзамена.

V. Разсуждали: о назначеніи на 1905—1906 учебный годъ стипендій студентамъ Академіи.

Справка: Въ настоящее время, за окончаніемъ полнаго академическаго курса и выбытіемъ изъ Академіи студентовъ бывшаго IV курса, остаются свободными слѣдующія стипендіи: имени Статскаго Совѣтника А. Е. Косташъ въ 250 рублей; имени Архіепископа Донскаго Макарія, архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина, протоіерея А. В. Горскаго, протопресвитера А. С. Ильинскаго, профессора Н. П. Соколова, три П. А. Мухановой и девять Троице-Сергіевой Лавры,—всѣ семнадцать по 220 рублей каждая; академическая въ 210 рублей; протоіерея І. В. Рождественскаго въ 194 рубля и Московскаго духовенства и каѳедры (юбилейная)—въ 181 рубль.—Кромѣ того подлежатъ назначенію стипендіи: вновь учрежденная имени священника Михаила Стефановича и Параскевы Александровны Пятикрестовскихъ и Статскаго Совѣтника Ѳедора Ивановича и Маріи Александровны Покровскихъ въ 220 рублей и оставшіяся послѣ выбывшихъ изъ числа студентовъ Академіи Н. Писаревскаго, С. Пиневича, Н. Черлова, священника Ѳ. Шумскаго и Е. Самуилова—двѣ казенныя стипендіи (на III и II курсѣ), одна имени протоіереевъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына въ 173 рубля, одна имени М. А. Хлудова—въ 118 рублей и одна Московской каѳедры—въ 110 рублей.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи за минувшій учебный годъ, означенныя въ справкѣ стипендіи назначить на наступившій 1905—1906 учебный годъ слѣдующимъ студентамъ: имени Статскаго Совѣтника А. Е. Косташъ—студенту 2 курса Петру Нечаеву (пользовавшемуся казенной стипендіей); Архіепископа Донскаго Макарія—оставленному въ I курсѣ на второй годъ студенту Михаилу Смыткину (пользовавшемуся казенной стипендіей); архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина—студенту 4 курса Евгенію Воскресенскому (пользовавшемуся казенной стипендіей); протоіерея А. В. Горскаго—студенту 2 курса Павлу Флоренскому; протопресвитера А. С. Ильинскаго—студенту 2 курса Борису Нарскому (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 рублей); профессора Н. П. Соколова—студенту 2 курса Борису Добротворцеву (пользовавшемуся казенной стипен-

діей); три стипендіі П. А. Мухановой—студентамъ 2 курса: Василю *Бѣликову* (пользовавшемуся стипендіей протоіерея І. В. Рождественскаго въ 194 рубля), Николаю *Протопопову* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 рубл.) и Александру *Успенскому*; девять стипендій Троице-Сергіевой Лавры—студентамъ: 3 курса Ивану *Березкину* (пользовавшемуся стипендіей Ломоносовскаго Комитета въ 202 р.), Николаю *Варжанскому* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 р.), Венедикту *Фришфельдъ-Кайсыну* (пользовавшемуся стипендіей В. М. Ундольскаго въ 200 рублей) и священнику Николаю *Часоводову* (пользовавшемуся казенной стипендіей); 2 курса—Леониду *Смирнову* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 рублей), Ивану *Миртову* (пользовавшемуся таковой же стипендіей) и Христофору *Соболеву* (пользовавшемуся стипендіей имени Епископа Никодима въ 192 рубля) и оставленнымъ на второй годъ въ І курсѣ—Алексѣю *Попову* и Стефану *Сѣдову* (пользовавшимися казенными стипендіями); академическую—студенту 2 курса Ивану *Авраменко* (пользовавшемуся стипендіей протоіерея А. И. Невоструева въ 142 р.); протоіерея І. В. Рождественскаго—студенту 2 курса Петру *Добролюбову*; юбилейную—студенту 2 курса Борису *Стеблеву*; Пятикрестовскихъ и Покровскихъ—студенту 3 курса Ивану *Пятикрестовскому* (пользовавшемуся стипендіей Ю. Ѳ. Самарина въ 173 рубля); казенную—студенту 3 курса Алексѣю *Петровскому* (пользовавшемуся стипендіей архіепископа Алексія въ 170 рублей); казенную—студенту 2 курса Михаилу *Ершову*; протоіереевъ Голубинскаго и Делицына—студенту 2 курса Николаю *Любимову* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 рублей); М. А. Хлудова—оставленному на второй годъ въ І курсѣ Ипполиту *Красновскому* и Московской каѳедры—студенту 2 курса Андрею *Воскресенскому*.—2) Казенную стипендію (послѣ П. Нечаева) передать студенту 2 курса Василю *Успенскому* (пользовавшемуся стипендіей Епископа Христофора въ 160 рублей); казенную (послѣ М. Сныткина)—студенту 2 курса Виталию *Русинову*; казенную (послѣ Е. Воскресенскаго) студенту 4 курса священнику Владимиру *Боголюбову*; казенную (послѣ Б. Добротворцева)—студенту 2 курса Августину *Куку* (пользовавшемуся стипендіей Г. П. Хлудова въ 80 рублей); протоіерея І. В. Рождественскаго (послѣ

В. Бѣликова)—студенту 2 курса Сергѣю *Гусеву* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 рублей); М. А. Хлудова (послѣ Н. Протопопова)—студенту 2 курса Дмитрію *Дьяконову*; Ломоносовскаго Комитета (послѣ И. Бєрезина)—студенту 2 курса Владиміру *Трембовецкому* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 рублей); академическую (послѣ Н. Варжанскаго)—студенту 2 курса Ивану *Обновленскому* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 рублей); В. М. Ундольскаго (послѣ В. Фришфельдъ-Кайсына)—студенту 2 курса священнику Іоанну *Козлову*; казенную (послѣ священника Часоводова)—студенту 4 курса священнику Іоанну *Звѣздкину*; Епископа Никодима (послѣ Х. Соболева)—студенту 2 курса Аркадію *Троицкому* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 рублей); казенную (послѣ А. Попова)—студенту 2 курса Ивану *Бєневоленскому* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.); казенную (послѣ С. Сѣдова)—студенту 2 курса Владиміру *Соколову*; протоіерея А. И. Невоструева (послѣ И. Авраменко)—студенту 2 курса Николаю *Богольпову*; Ю. Ѳ. Самарина (послѣ И. Пятикрестовскаго)—студенту 2 курса Ивану *Преображенскому*; архіепископа Алексія (послѣ А. Петровскаго)—студенту 2 курса Иннокентію *Масюкову*.—Стипендію Епископа Христофора (послѣ В. Успенскаго) передать студенту 2 курса Сергѣю *Прыткову*; М. А. Хлудова (послѣ В. Трембовецкаго)—студенту 3 курса Харитону *Иванову*; четыре стипендіи Московской каѳедры (послѣ Б. Нарскаго, Л. Смирнова, И. Миртова и С. Гусева)—студентамъ 1 курса: іеромонаху *Палладію*, Петру *Попову*, Александру *Суханову* и Александру *Литвиненко*; пять стипендій Г. И. Хлудова по 80 руб. (послѣ Н. Любимова, А. Кукса, И. Обновленскаго, А. Троицкаго и И. Бєневоленскаго)—студентамъ I же курса: Аркадію *Занкевичу*, священнику Іоанну *Васильеву*, Павлу *Попову*, Николаю *Скворцову* и Петру *Ярославцеву*.—3) За прочими студентами трехъ старшихъ курсовъ оставить на наступившій 1905—1906 учебный годъ тѣ стипендіи, которыми они пользовались въ минувшемъ году.

VI. О назначеніи студентамъ сочиненій на наступившій 1905—1906 учебный годъ.

Опредѣлили: 1) Назначить студентамъ I, II и III курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ:

а) по метафизикѣ	}	для студентовъ
обѣихъ группъ.
б) по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ		
- в) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ (для студентовъ *первой* группы) и новой гражданской исторіи (для студентовъ *второй* группы).

Во II курсѣ:

а) по общей церковной исторіи	}	для студентовъ
обѣихъ группъ.
б) по психологіи		
в) по еврейскому языку и библейской археологіи		

Въ III курсѣ:

а) по догматическому богословію	}	для студентовъ
обѣихъ группъ.
б) по исторіи и обличенію русскаго раскола		
в) по нравственному богословію		
- 2) Предоставить г.г. наставникамъ Академіи избрать темы семестровыхъ сочиненій для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ и представить ихъ на утвержденіе Преосвященному Ректору Академіи.

3) Для написанія сочиненій студентамъ I, II и III курсовъ назначить слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія съ 19 сентября по 5 ноября, для втораго—съ 7 ноября по 22 декабря 1905 года и для третьяго—съ 15 января по 1 апрѣля 1906 года.

4) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для кандидатскихъ сочиненій изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками Академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ. Срокомъ подачи сочиненій назначить время отъ 15 по 30 апрѣля 1906 года. — Не подавшіе сочиненій къ сроку выпускаются изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

5) Согласно § 12—13 „Правилъ объ обязанностяхъ учащихся въ Московской Духовной Академіи“ требовать, чтобы всѣ студенты представляли свои сочиненія аккуратно къ опредѣленнымъ срокамъ о. Инспектору Академіи Архимандриту Іосифу, который, помѣтивъ время подачи, безотлага-

тельно имѣть передавать ихъ тому или другому преподавателю; студенты же первыхъ трехъ курсовъ, не подавшие сочиненій къ сроку,—немедленно представляли въ Правленіе Академіи объясненіе причинъ несвоевременной подачи.

6) Для студентовъ всѣхъ курсовъ назначить по одной проповѣди и требовать, чтобы они представляли ихъ не позднѣе 7 дней до произнесенія. Поручить преподавателю гомилетики іеромонаху Серафиму составить росписаніе проповѣдей для студентовъ и представить оное на утвержденіе Преосвященному Ректору Академіи.

7) О назначеніи сочиненій сообщить наставникамъ Академіи и объявить студентамъ.

VII. *О распредѣленіи лекцій и учебныхъ часовъ въ Академіи на 1905—1906 учебный годъ.*

Справка: 1) По § 81 лит. а п. 2 устава духовныхъ академій „распредѣленіе предметовъ ученія и порядка ихъ преподаванія въ академіи“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—2) §§ 118—120 того же устава: „Для чтенія наукъ академическаго курса составляется Совѣтомъ Академіи особое росписаніе.—При составленіи росписанія Совѣтъ Академіи имѣетъ въ виду, чтобы: а) преподаванію богословскихъ наукъ, по возможности, предшествовало преподаваніе прочихъ наукъ, входящихъ въ курсъ академическій, и б) при распредѣленіи богословскихъ наукъ соблюдался порядокъ, опредѣляемый ихъ послѣдовательностію и взаимною зависимостію.—Лекціи по каждому предмету распредѣляются Совѣтомъ такъ, чтобы въ первыхъ трехъ курсахъ было не менѣе 20, а въ четвертомъ не менѣе 12 лекцій въ недѣлю, каждая лекція по часу“.

Опредѣлили: Распредѣлить лекціи и учебные часы въ Академіи на 1905—1906 учебный годъ по слѣдующей таблицѣ.

Распределение лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1905—1906 учебный годъ.

		Первый курсъ.	
Дни.	Часы.	I.	II.
Понедѣльникъ	9—10	Библейская	исторія
	10—11	Библейская	исторія
	11—12	Еврейскій	языкъ
	12—1	Введеніе въ кругъ	богословскихъ наукъ
	1—2	Введеніе въ кругъ	богословскихъ наукъ
Вторникъ	9—10	Введеніе въ кругъ	богословскихъ наукъ
	10—11	Введеніе въ кругъ	богословскихъ наукъ
	11—12	Древніе	языки
	12—1	Древніе	языки
	1—2	Еврейскій	языкъ
Среда	9—10	Новые	языки
	10—11	Новые	языки
	11—12	Библейская	исторія
	12—1	Библейская	исторія
	1—2		
Четвергъ	9—10	Новые	языки
	10—11	Новые	языки
	11—12		
	12—1	Мета	физика
	1—2	Мета	физика
Пятница	9—10	Мета	физика
	10—11	Мета	физика
	11—12		Новая гражд. исторія
	12—1	Теорія слов. и истор. иностр. литер.	Новая гражд. исторія
	1—2	Теорія слов. и истор. иностр. литер.	
Суббота	9—10		Новая гражд. исторія
	10—11		Новая гражд. исторія
	11—12		Древняя гражд. исторія
	12—1	Теорія слов. и истор. иностр. литер.	Древняя гражд. исторія
	1—2	Теорія слов. и истор. иностр. литер.	

Распределение лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1905—1906 учебный годъ.

		Второй курсъ.	
дни.	часы.	I.	II.
Понедѣльникъ	9—10	Библейская	археологія
	10—11	Библейская	археологія
	11—12	Латинскій	языкъ
	12—1	Русск. и церк.-славянск. языки.	Русская гражд. исторія
	1—2	Русск. и церк.-славянск. языки.	Русская гражд. исторія
Вторникъ	9—10		Русская гражд. исторія
	10—11		Русская гражд. исторія
	11—12	Психологія	логія
	12—1	Психологія	логія
	1—2	Греческій	языкъ
Среда	9—10	Священное Писаніе	Ветхаго Заѣта
	10—11	Священное Писаніе	Ветхаго Заѣта
	11—12	Психологія	логія
	12—1	Патристика	стика
	1—2	Патристика	стика
Четвергъ	9—10	Священное Писаніе	Ветхаго Заѣта
	10—11	Священное Писаніе	Ветхаго Заѣта
	11—12	Психологія	логія
	12—1	Патристика	стика
	1—2	Патристика	стика
Пятница	9—10		
	10—11	Общая церковная исторія	ная исторія
	11—12	Общая церковная исторія	ная исторія
	12—1	Исторія философіи	философіи
	1—2	Исторія философіи	философіи
Суббота	9—10	Исторія философіи	философіи
	10—11	Исторія философіи	философіи
	11—12	Общая церковная исторія	ная исторія
	12—1	Общая церковная исторія	ная исторія
	1—2		

Распределение лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1905—1906 учебный годъ.

		Третій курсъ.	
дни.	часы.	I.	II.
Понедѣльникъ	9—10		
	10—11	Латинскій	языкъ
	11—12	Гоми	летика
	12—1	Исторія запад	ныхъ исповѣданій
	1—2	Исторія запад	ныхъ исповѣданій
Вторникъ	9—10	Гоми	летика
	10—11	Греческій	языкъ
	11—12	Русская церков	ная исторія
	12—1	Русская церков	ная исторія
	1—2		
Среда	9—10	Русская церков	ная исторія
	10—11	Русская церков	ная исторія
	11—12	Церковное	право
	12—1	Исторія рус	скаго раскола
	1—2	Исторія рус	скаго раскола
Четвергъ	9—10	Гоми	летика
	10—11	Церковное	право
	11—12	Исторія рус	скаго раскола
	12—1	Исторія рус	скаго раскола
	1—2		
Пятница	9—10	Священное Писаніе	Новаго Заѣта
	10—11	Священное Писаніе	Новаго Заѣта
	11—12	Педа	гогика
	12—1	Педа	гогика
	1—2		
Суббота	9—10	Священное Писаніе	Новаго Заѣта
	10—11	Священное Писаніе	Новаго Заѣта
	11—12	Церковное	право
	12—1	Церковное	право
	1—2		

Распределение лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1905—1906 учебный годъ.

		Четвертый курсъ.	
дни.	часы.	I.	II.
Понедѣльникъ	9—10		
	10—11		
	11—12		
	12—1	Догматическое	богословіе
	1—2	Догматическое	богословіе
Вторникъ	9—10		
	10—11		
	11—12	Догматическое	богословіе
	12—1	Догматическое	богословіе
	1—2		
Среда	9—10		
	10—11		
	11—12	Пастырское	богословіе
	12—1	Церковная архео	логія и литургика
	1—2	Церковная архео	логія и литургика
Четвергъ	9—10		
	10—11		
	11—12	Пастырское	богословіе
	12—1	Церковная архео	логія и литургика
	1—2	Церковная архео	логія и литургика
Пятница	9—10		
	10—11	Нравственное	богословіе
	11—12	Нравственное	богословіе
	12—1	Исторія	философія
	1—2	Исторія	философія
Суббота	9—10	Исторія	философія
	10—11	Исторія	философія
	11—12		
	12—1	Нравственное	богословіе
	1—2	Нравственное	богословіе

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1905 г. Окт. 12. По ст. II. Макова разрѣшается, въ видѣ изъятія изъ общаго правила, допустить къ сдачѣ пріемныхъ испытаній по тѣмъ предметамъ, по коимъ не сдать онъ въ свое время по причинѣ болѣзни. По ст. III. Звѣрева разрѣшается принять въ число своекоштныхъ студентовъ безъ вторичнаго конкурснаго испытанія. Разрѣшается также принять въ число своекоштныхъ студентовъ 1-го курса и прошедшаго университетскій курсъ Либермана (ст. IV). Прочее смотрѣно и утверждается.

Того же 15 сентября 1905 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоръ: А. П. Шостына, М. М. Тарѣва и Н. Г. Городенскаго.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1905 г. Сент. 7. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября за № 8717:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 11 минувшаго августа № 1211, журналъ Учебнаго Комитета за № 405, съ заключеніемъ Комитета о замѣщеніи должности преподавателя гомилетики съ соединенными предметами въ Томской духовной семинаріи. Приказали: Согласно заключенію Учебнаго Комитета, назначить кандидата Московской духовной академіи, выпуска 1905 г., *іеромонаха Игнатія* на должность преподавателя гомилетики съ соединенными предметами въ Томскую духовную семинарію, съ 16 августа сего года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1905 г. Сент. 10. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 4 сентября за № 6247:

„Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія мо-

его, Всемилостивѣйше соизволилъ къ 6 мая сего года пожаловать кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени состоящаго въ отставкѣ заслуженнаго ординарнаго профессора Московской духовной академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Василія *Соколова*.

О таковомъ Монаршемъ пожалованіи сообщая Вашему Высокопреосвященству, съ препровожденіемъ орденскихъ знаковъ и грамоты на оные, для выдачи по принадлежности, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, нынѣ же сдѣлать распоряженіе объ истребованіи отъ пожалованнаго слѣдующихъ съ него денегъ 40 руб., съ тѣмъ, чтобы при внесеніи ихъ непосредственно въ Капитулъ Орденовъ или чрезъ мѣстное казначейство былъ представленъ согласно пункту е ст. 180 инструкции казначействамъ, списокъ по установленной формѣ“.

Опредѣлили: Знаки ордена Св. Владиміра 4 степени и грамоту на оные выдать заслуженному ординарному профессору Академіи В. А. Соколову, а о взысканіи съ него 40 р. сообщить, для зависящихъ распоряженій,—Правленію Академіи.

III. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи 13 августа текущаго года: „1905 г. Авг. 31. Смотрѣно“.

Справка: Въ ст. V означеннаго журнала на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства представлено было опредѣленіе Совѣта Академіи объ избраніи на вакантную должность члена академическаго Правленія заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковнаго права *Н. А. Заозерскаго*, а въ ст. XVII—о допущеніи къ слушанію академическихъ лекцій священника Оренбургской епархіи *Симеона Васильева* и окончившаго курсъ частнаго реальнаго училища Николая *Ермолаева*.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства по отношенію къ постановленіямъ Совѣта Академіи отъ 13 августа, изложеннымъ въ справкѣ, признать утвердительною, а посему: объ избраніи заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго* членомъ академическаго Правленія внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій, а

священника Васильева и г. Ермолаева увѣдомить чрезъ Канцелярію о принятіи ихъ въ число вольныхъ слушателей академическихъ лекцій.

IV. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 11 августа за № 5813: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 4-го августа 1905 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Викторъ *Протопоповъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе штатные классы Уфимскаго духовнаго училища съ 16 августа 1905 года“.

б) отъ 11 августа за № 5824: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 4-го августа 1905 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Михаилъ *Виндрияевскій* опредѣленъ на должность учителя греческаго языка въ Тихвинское духовное училище съ 16 августа 1905 года“.

в) отъ 11 августа за № 5830: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 4 августа 1905 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Иванъ *Лебедевъ* опредѣленъ на должность учителя географіи и ариметики въ Херсонское духовное училище, съ 16 августа 1905 года.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту академіи для свѣдѣнія“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отношеніе Совѣта Кіевской Духовной Академіи отъ 25 августа за № 1408:

„6 ноября сего 1905 года исполняется пятидесятилѣтіе ученой и учебной дѣятельности на пользу богословской науки заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи, доктора богословія, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Василія Θεодоровича *Плѣвницкаго*.“

Въ означенный день, съ разрѣшенія и благословенія Святѣйшаго Синода, имѣетъ быть въ Академіи чествованіе высокочтимаго юбиляра.

Совѣтъ Академіи поставляетъ себѣ въ пріятный долгъ сообщить объ этомъ Совѣту Московской Духовной Академіи“.

Справка: §§ 9 и 81 лит. в п. 3 устава духовных академій.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Василя Теодоровича *Пъвницкаго*,—во уваженіе къ безпримѣрной почти въ наши дни полувѣковой учено-профессорской дѣятельности его, ознаменованной многочисленными выдающимися сочиненіями по гомилетикѣ,—въ званіи Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи.

VI. а) Докладъ двухъ членовъ комиссіи, которой Совѣтомъ Академіи 13 августа сего года поручено было разсмотрѣніе печатныхъ трудовъ С.-Петербургскаго епархіальнаго миссіонера, кандидата богословія, Дмитрія *Боголюбова*,—заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ русской гражданской исторіи *В. О. Ключевскаго* и исправляющаго должность доцента по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *И. М. Громогласова*:

„Совѣтъ Московской Духовной Академіи опредѣленіемъ своимъ отъ 13 августа текущаго года поручилъ намъ разсмотрѣть печатные труды г. петербургскаго епархіальнаго миссіонера Дмитрія Боголюбова и представить на основаніи ихъ свое заключеніе о научной подготовкѣ его къ профессорской дѣятельности въ Академіи по вновь учрежденной кафедрѣ „исторіи и разбора русскаго сектанства“. Исполняя означенное порученіе, имѣемъ честь представить Совѣту слѣдующее:

Предметомъ разсмотрѣнія нашего были два произведенія г. Боголюбова, доставленныя намъ отъ Преосвященнаго Ректора Академіи: 1) „Православный противосектантскій катехизисъ“, изд. 3-е, исправленное и дополненное, СПб. 1905. и 2) „Миссіонерскія бесѣды съ штундо-баптистами (опытъ библейскаго обоснованія православно-христіанскихъ истинъ, отвергаемыхъ сектантами)“, Харьковъ. 1902. Намъ не безвѣстно, что кромѣ названныхъ сочиненій г. Боголюбовымъ напечатано въ разныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ еще нѣсколько статей миссіонерско-полемическаго характера. Но отыскиваніе и разсмотрѣніе ихъ, довольно затруднительное при краткости срока, намъ указаннаго, не представлялось необходимымъ для насъ еще и потому, что самъ авторъ не

нашеть нужнымъ озаботиться доставленіемъ, согласно предложенію Совѣта, другихъ своихъ произведеній, кромѣ выше-названныхъ, очевидно, не придавая имъ значенія при оцѣнкѣ его правъ на занятіе академической катедры.

Относительно двухъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что—при различіи въ объемѣ и способѣ изложенія—по содержанію они весьма близки между собою. То и другое заключаетъ въ себѣ изложеніе православныхъ истинъ, отвергаемыхъ русскими сектантами-раціоналистами, и опроверженіе ихъ религіозныхъ мнѣній, несогласныхъ съ ученіемъ Церкви.

Своеобразныя особенности ученія русскихъ мистическихъ сектъ, не подлежавшія разсмотрѣнію въ „Миссіонерскихъ бесѣдахъ съ штундо-баптистами“, остались почему то не затронутыми и въ „Противосектантскомъ катехизисѣ“, и все отличіе одного сочиненія отъ другого сводится, въ сущности, къ тому, что первое изложено въ видѣ подробной записи собесѣдованій автора съ сектантами, а второе—въ формѣ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, при чемъ, однако, не только общій характеръ, но и самый подборъ главнѣйшихъ апологетическихъ и полемическихъ аргументовъ остаются тѣ же. Это обстоятельство устраняетъ необходимость говорить о каждомъ сочиненіи отдѣльно и позволяетъ дать о нихъ общее заключеніе примѣнительно къ порученной намъ задачѣ.

При выполненіи ея мы выходили изъ того соображенія, что замѣстителю вновь открываемой катедры предстоитъ двоякаго рода работа: онъ долженъ будетъ разработать и дать въ своихъ чтеніяхъ, во 1-хъ, вполне точное и чуждое всякой тенденціозности изслѣдованіе прошлой и, конечно, современной жизни русскаго сектантства; во 2-хъ, образцы строго-научной богословской полемики противъ сектантскихъ заблужденій. Какія же данныя можно найти въ сочиненіяхъ г. Боголюбова для сужденія о степени научной подготовленности его къ профессорской дѣятельности въ томъ и другомъ отношеніи?

Что касается подготовленности названнаго лица къ чтенію академическихъ лекцій по исторіи русскаго сектантства, то въ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ мы не нашли почти никакихъ положительныхъ основаній для сужденія о

томъ, съ какими приёмами научнаго изслѣдованія приступилъ бы авторъ „Катехизиса“ и „Бесѣдъ“ къ разработкѣ этой части новой академической науки. Ни въ томъ, ни въ другомъ сочиненіи нѣтъ ни общаго опредѣленія сектантства, ни классификаціи русскихъ сектъ, ни попытки освѣтить моментъ и причины ихъ возникновенія, дальнѣйшую историческую судьбу и степень распространенности въ настоящее время. Если въ разсмотрѣнныхъ работахъ авторъ не имѣлъ прямого повода задаваться подобными вопросами относительно другихъ сектъ, то этого нельзя сказать о штундо-баптизмѣ, которому посвящена цѣлая книга въ 376 страницъ, гдѣ полемика съ сектантами не разъ прерывается литературными отступленіями въ описательномъ и повѣствовательномъ родѣ. Между тѣмъ, мы напрасно стали бы искать здѣсь объясненія того, почему данная форма сектантскихъ заблужденій получила доступъ въ народную среду и какими живыми связями держится она въ народномъ сознаніи. Бытовая сторона русскаго сектантства столь же мало затронута въ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ, какъ и его историческое прошлое. Всѣ сообщенія о ней исчерпываются немногими замѣчаніями автора о своихъ оппонентахъ по бесѣдамъ,носящими на себѣ явный отпечатокъ излишняго полемическаго раздраженія, трудно совмѣстимаго съ объективнымъ наблюденіемъ и безпристрастною оцѣнкою какихъ бы то ни было фактовъ (см. особенно послѣднюю главу „Бесѣдъ“ и въ ней стр. 374—376). Общее впечатлѣніе отъ обѣихъ работъ г. Боголюбова невольно склоняетъ къ предположенію, что изученіе исторіи и быта русскаго сектантства доселѣ оставалось предметомъ, стоящимъ внѣ круга его интересовъ. Для него сектантство какъ будто бы не живой продуктъ историческихъ и бытовыхъ условій, а лишь отвлеченная доктрина, рядъ религіозно - теоретическихъ положеній, подлежащихъ такому же разсмотрѣнію и опроверженію.

Каковы же приемы противосектантской полемики г. Боголюбова съ точки зрѣнія научныхъ требованій? Имѣя дѣло съ сектантами—раціоналистами, не признающими другихъ источниковъ религіозной истины, кромѣ священнаго писанія, и старающимися обосновать свои воззрѣнія на библейскихъ текстахъ въ томъ или другомъ своеобразномъ ихъ истолкованіи, авторъ разсмотрѣнныхъ сочиненій выступаетъ

предъ нами также какъ толкователь священныхъ текстовъ. Но его изъясненія Библіи носятъ совсѣмъ особый, миссіонерско-приспособительный характеръ и нерѣдко поражаютъ, вмѣстѣ съ гибкостью и изворотливостью изощрившейся въ долгихъ словопреніяхъ мысли, крайнею натянутостію и тенденціозностію. Для характеристики этихъ своеобразныхъ экзегетическихъ приѣмовъ достаточно указать на совершенно безнадежное по существу усиліе найти въ священномъ писаніи (Гал. 6, 14; 1 Тим. 2, 8; Псал. 140, 2) прямое обоснованіе православнаго обычая осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ (см. „Противосект. катехиз.“ стр. 56 — 57; „Мисс. бесѣды“, стр. 345—347) или необычную по смѣлости попытку заставить св. апостола (Гал. 5, 12) взять подъ свою защиту высылку русскихъ сектантовъ на Кавказъ („Бесѣды“, стр. 374). И это совсѣмъ не исключительные примѣры и даже, быть можетъ, не самые типическіе. Трудно допустить, чтобы человѣкъ, прошедшій высшую богословскую школу, самъ не замѣчалъ всей странности подобныхъ толкованій библейскаго текста и призрачности одерживаемыхъ такими средствами миссіонерскихъ побѣдъ, о которыхъ онъ такъ часто и охотно говоритъ въ своей книгѣ („Бесѣды“, стр. 135, 157, 351 и др.). Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія библейско-богословской науки приѣмы противосектантской полемики г. Боголюбова не даютъ основаній признать за ней серьезное значеніе по существу. Каковы бы ни были успѣхи его, какъ практическаго полемиста, пересаживать приѣмы такой полемики въ академическую аудиторію было бы совершенно неумѣстно.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ рѣшительному заключенію, что рассмотрѣнныя сочиненія г. Боголюбова не свидѣтельствуютъ о достаточной научной подготовленности его къ преподавательской дѣятельности въ духовной Академіи по каѳедрѣ „исторіи и разбора русскаго сектантства“.

б) Докладъ третьяго члена той же комиссіи—заслуженнаго ординарнаго профессора по каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Заветѣ *М. Д. Муретова*:

„Большою бѣдою для библейской науки всегда служила проявляемая всякаго рода грамотѣями, научно малограмотными или даже совсѣмъ безграмотными, дерзость въ упо-

требленіи священнаго текста по своему усмотрѣнію и для своихъ личныхъ надобностей, независимо отъ дѣйствительнаго назначенія и подлиннаго смысла Писаній. Но уже глубокая древность, особенно въ лицѣ Іеронима, доказала, какую преграду такому грамотѣйству научной безграмотности въ обращеніи съ Писаніемъ представляетъ истинная и серьезная наука, какъ единственное средство къ обузданію невѣжественнаго произвола въ толкованіи библейскихъ текстовъ.

А въ настоящее время эта наука расширилась и усложнилась настолько, что въ ней, можно сказать, не остается уже ни одного уголка для убѣжища самоволіи грамотѣйства и научной малограмотности. *Канонологія* или изслѣдованіе исторіи канона, подлинности, времени, мѣста и образа происхожденія Писаній,—*текстологія* съ ея огромнымъ и сложнымъ аппаратомъ для опредѣленія подлиннаго перво-текста путемъ изученія и классификаціи безчисленныхъ рукописей оригинальнаго (для Новаго Завѣта—греческаго) текста и переводовъ (для Новаго Завѣта—латинскихъ, сирскихъ и египетскихъ, особенно, а для Ветхаго—халдейскихъ таргумовъ, ассировавилонской клинописи и др.),—*филологія* или изученіе оригинальнаго языка Писаній, для Новаго Завѣта въ особенности изученіе такъ называемаго *κοινή διάλεκτος*, т. е. греческаго діалекта, на коемъ говорили въ новозавѣтную эпоху въ разныхъ странахъ римской имперіи—Сирии, Египтѣ, Малой Азіи и др., въ связи съ знаніемъ туземныхъ природныхъ говоровъ, особенно палестинскаго арамаизма,—*археологія* или знаніе внѣшней стороны жизни тѣхъ странъ и народовъ, гдѣ появились Писанія,—наконецъ *психологія* или изученіе внутренняго строя мыслей, чувствъ, ожиданій, воззрѣній, идеаловъ и проч. въ той средѣ, гдѣ появлялись священныя книги,—вообще самое точнѣйшее и подробнѣйшее изученіе всѣхъ историческихъ памятниковъ эпохи происхожденія библейскихъ книгъ: вотъ въ настоящее время то *средостѣпніе огады*, что безъ опасности смерти не можетъ преступать никакое тенденціозное и антинаучное обращеніе съ священнымъ текстомъ. И дѣйствительно, гдѣ родилась и свободно разрослась наука, тамъ она дала сильныя орудія въ руки христіанской апологетики противъ всякаго рода нападковъ на христіанство со стороны отрицанія, свободомыслія и иномыслія.

Наши русскіе сектанты, въ частности штундо-баптисты, противъ коихъ направлены „Миссіонерскія бесѣды“ и „Православный противосектантскій катехизисъ“ г. Боголюбова,—въ своемъ *ученіи* не представляютъ чего-либо самобытнаго. Ограниченіе *догматическаго* авторитета однимъ только Писаніемъ и отрицаніе такового у преданія, ученіе объ оправданіи одною только вѣрою безъ дѣлъ,—отрицаніе иконопочитанія, многихъ или всѣхъ таинствъ, іерархіи и проч.,—все это вопросы, составлявшіе предметъ напряженной и всесторонней полемики между католичествомъ и протестантствомъ, даже между самими протестантскими сектами и школами, съ появленія Лютера и до современныхъ Ритчля и Гарнака, а нѣкоторые, какъ о крещеніи младенцевъ, иконопочитаніи и др. имѣютъ и еще болѣе древнее родословіе, восходя чуть не до временъ первохристіанства. Научный матеріалъ, выработанный многовѣковою и общенародною полемикою христіанскою, поистинѣ необъятный, какъ въ отношеніи содержанія полемики, такъ и ея метода,—вполнѣ пригоденъ, конечно, и къ миссіонерскимъ спорамъ съ нашими протестантскими сектами, въ частности съ штундистами.

Но г. Боголюбовъ въ своихъ „Миссіонерскихъ бесѣдахъ“ стоитъ въ особыхъ условіяхъ. Онъ споритъ не съ Лютеромъ, Ритчлемъ или Гарнакомъ, а съ русскими грамотѣями изъ народа—Андреемъ Алексѣевымъ, Поликарпомъ, солдатомъ Авдѣемъ, „братомъ“ Михаиломъ, „пресвитерами“ Ильею Ивановичемъ, Алексѣемъ Парѣенычемъ, Григоріемъ и др. подобными вачетчиками Библии, не коснувшимися научной грамоты даже и краемъ перста. Ни о какой научности, ни по содержанію, ни по методѣ, въ подобной полемикѣ рѣчи конечно быть не можетъ. Спорщики берутъ библейскій текстъ безъ всякой научной критики, какъ богодухновенную „букву“ или, по штундской терминологіи, „*строку*“ русскаго синодскаго перевода въ ея безусловной неприкосновенности и на почвѣ *этой* именно буквы ведутъ свой споръ о предметахъ разномыслія.

Такимъ образомъ, „Миссіонерскія бесѣды съ штундо-баптистами“ г. Боголюбова цѣликомъ стоятъ внѣ черты, опредѣляющей обширную область науки по Священному Писанію,—эта вся наука остается за горизонтомъ бесѣдъ, какъ *terra incognita* для обѣихъ борющихся сторонъ: авторъ споритъ

съ грамотѣями-начетчиками самъ какъ начетчикъ-грамотѣй, а не какъ „кабинетный“ ученый отъ лица науки, по научнымъ даннымъ и съ научною методою.

Борьба—по свидѣтельству впрочемъ одной стороны—самого автора бесѣдъ,—естественно получается побѣдоносная для „миссіонера“. Но при этомъ столь же естественно и даже невольно возникаетъ остающійся въ „бесѣдахъ“ безъ отвѣта вопросъ: такъ же ли бы,—съ формально-научной, конечно, а не съ догматической стороны,—побѣдоносны были эти бесѣды для г. Боголюбова, если бы, вмѣсто Авдѣевъ и Поликарповъ, миссіонеру явились отвѣчать Ритчль или Гарнакъ, со своими канонологіей, текстологіей, филологіей, археологіей и психологіей?..

Изъ сказаннаго видно, что рецензентъ книги г. Боголюбова, для выполненія возложенной на него Совѣтомъ Академіи обязанности, самъ вольно-невольно долженъ стать на общую съ составителемъ бесѣдъ *внѣнаучную* точку зрѣнія и съ этой только точки зрѣнія составить сужденіе о книгѣ.

Сразу же возникаютъ тутъ недоумѣнія въ методологическихъ приѣмахъ автора.

Такъ на стр. 4 авторъ говоритъ: „все же, что сектанты безконечно и съ ущербомъ для дѣла православной миссіи (курсивъ самого автора) оспариваютъ, *обойдено въ книгѣ молчаніемъ*“ (курсивъ мой). Стало быть, по заявленію самого составителя бесѣдъ, мы имѣемъ въ его книгѣ дѣло только съ самыми удобными и легкими для миссіонера и наоборотъ наиболѣе трудными для сектантовъ предметами спора. Удобный для дѣйствительныхъ бесѣдъ православнаго миссіонера съ сектантами и для литературнаго ихъ изложенія такой приѣмъ однакоже не можетъ быть названъ безпристрастнымъ и *научно-объективнымъ*.

Затѣмъ, въ пользованіи Ветхимъ Завѣтомъ для доказательства разныхъ тезисовъ, составитель бесѣдъ не установилъ опредѣленнаго правила, чтò изъ внѣшней стороны его надо брать въ образецъ для новозавѣтной Церкви и чего вельзя. Авторъ пользуется, напримѣръ, мѣднымъ змѣемъ, изображеніями херувимовъ на ковчегѣ, въ скинии и храмѣ, камнями на первосвященническомъ облаченіи и пр. Но въ такомъ случаѣ вѣдь можно пожалуй и ветхозавѣтнымъ агнцемъ воспользоваться для доказательства древняго обы-

чая нѣкоторыхъ западныхъ церквей—приносить агнца на Пасхѣ (соотвѣтствуетъ нашему Агнцу—артосу), ибо и Христосъ вкушалъ агнца на тайной вечерѣ и под. въ этомъ родѣ. Или, напримѣръ, на стр. 341, ср. Катих. 53 стр., слова изъ Притч. 6, 20—21: „сынъ мой, не отвергай наставленія матери твоей: обвяжи ими шею твою“ авторъ понимаетъ буквалистически для доказательства ношенія христіанами креста на шеяхъ, а на стр. 350, ср. Кат. 57, слова Притч. 7, 3: „сынъ мой, *навязжи ихъ на персты твои*“ авторъ уже не буквально примѣняетъ къ молитвенному перстосложенію. Получается толкованіе въ зависимости отъ обычая, а не отъ объективнаго изслѣдованія библейскаго текста (если бы у христіанъ существовалъ обычай навязывать на пальцы пергаменные листки съ выписками изъ Библии, авторъ навѣрно истолковалъ бы иначе,—ср. раввинское толкованіе заповѣди о поученіи въ законѣ *день и ночь* въ смыслѣ подкладыванія книги закона подъ голову во время сна).

Но кореннымъ и принципиальнымъ, проникающимъ всю постановку споровъ въ бесѣдахъ, недостаткомъ полемической методы г. Боголюбова служить неумѣренна усвоенная имъ себѣ отъ сектантовъ обязанность *всенепременно* находить въ Писаніи отвѣты на такіе вопросы, какихъ само Писаніе прямо не имѣетъ въ виду и не рѣшаетъ,—вопросы, стоящіе, такъ сказать, внѣ горизонта Писанія и рѣшаемые на основаніи одного апостольскаго или вообще церковнаго преданія. (Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ доказывать отъ *буквы* или *строки Писанія* напримѣръ употребленіе блиновъ на поминкахъ или бросаніе въ купель скатанныхъ шариковъ изъ воска и волосъ крещаемаго и под...). Такъ какъ сектанты отвергаютъ церковное преданіе, то съ установомъ его законности и необходимости уже сами собою рѣшались бы эти вопросы на основаніи научнаго изученія исторіи церкви, помимо прямыхъ доказательствъ изъ буквы библейскаго текста. Отсюда у автора получаются разнаго рода натяжки, искусственности, произвольности, необоснованности, даже невѣрности въ толкованіи текстовъ, могущія быть на руку сектантамъ и вызывать непріятныя недоумѣнія у православныхъ.

Примѣры:

Въ вопросѣ о *крещеніи младенцевъ* какъ сектанты затруд-

няются отвѣтить, гдѣ въ Писаніи запрещается крестить младенцевъ, такъ равно и самъ миссіонеръ не можетъ указать мѣста съ прямою заповѣдью ихъ крестить. Этимъ только и объясняется, что для доказательства необходимости крещенія младенцевъ авторъ на 67 стр. привлекаетъ Дѣян. 10, 43, 26, 18 и Римл. 3, 24, гдѣ рѣчь только о вѣрѣ оправдывающей; Дѣян. 2, 38 и Мар. 16, 16, гдѣ не говорится прямо о крещеніи именно младенцевъ, а *только вступившихъ*,— и Іоан. 3, 18,—8, 21 и 9, 41, гдѣ рѣчь объ осужденіи тѣхъ невѣровъ, что слышали слово о Христѣ и сознательно не увѣровали. Для той же цѣли на 72 стр. объявляется грѣховнымъ рожденіе „отъ хотѣнія плоти (Іоан. 1, 13) во время страстныхъ движеній въ крови родителей“ (между тѣмъ у евангелиста прямо не дано такой мысли и для сектантовъ это совсѣмъ неубѣдительно),—и какъ выраженіе *грѣховности дѣтей* считается то, что они „сердятся (курсивъ автора) даже“ (въ такомъ видѣ, безъ дальнѣйшихъ поясненій, это доказательство грѣховности дѣтей встрѣчается съ „гнѣвайтесь и не согрѣшайте“ Ефес. 4, 26, ср. Пс. 4, 5 и съ „гнѣвомъ“ Христа Марк. 1, 41, т. е. съ гнѣвомъ какъ безгрѣшнымъ проявленіемъ человѣческаго естества). Приношеніе дѣтей ко Христу уравнивается съ крещеніемъ, какъ таинствомъ оправдывающей или возрождающей вѣры (стр. 75). Чисто внѣшній обрядъ обрѣзанія дѣтей въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ внѣшній знакъ принадлежности къ народу избранному и завѣта плоти, служить *библейскимъ доказательствомъ* необходимости крещенія дѣтей, какъ таинства спасающей и возрождающей вѣры (стр. 76, Катехизисъ, стр. 34—35). О плоти на 84 стр. говорится: „по природѣ своей люди всѣ родятся *плотскими* (курсивъ автора). А „плоть“, на языкѣ Свящ. Писанія, означаетъ *грѣховное начало* (курсивъ автора) въ человѣкѣ, средоточіе всѣхъ *дурныхъ* (курсивъ автора) его свойствъ“. А Іоан. 1, 14 „и Слово плоть бысть“? А Адамъ и Ева до грѣхопаденія?—Въ Дѣян. 2, 38—39 подъ *τέκνους* авторъ разумѣетъ именно младенцевъ, а не потомковъ вообще (стр. 83). Тоже надо сказать о 2 Іоан., 2. А въ 1 Іоан. 2, 13: „я написалъ вамъ, дѣти (соб. дѣтки—*παῖδες*), потому что вы познали Отца“ развѣ Апостолъ „написалъ“ младенцамъ, не умѣющимъ не только читать, но даже и говорить? И развѣ Апостолъ могъ о младенцахъ сказать: „вы

познали Отца?“ Также и въ 1 Кор. 7, 14 ничего не говорится именно о *крещеніи младенцевъ* (стр. 86). Наконецъ, такія безусловныя положенія автора, какъ на стр. 87: „*всѣ некрещенные (взрослые и младенцы) по необходимости гибнутъ*“ (курсивъ мой) въ отчужденіи отъ Источника всякой жизни и добра: такая печальная участь постигаетъ одинаково и взрослыхъ и младенцевъ“ необходимо должны встрѣтиться съ возраженіемъ: какъ же могли увѣровать и креститься тѣ, кому не было проповѣдано евангеліе (напр. американскіе язычники до открытія Америки, австралійцы, жители разныхъ острововъ) или кто не могъ слышать и воспринять евангельской проповѣди? А слова Господа о Тирѣ, Сидонѣ и Содомѣ (Матѣ. 11, 21—24, ср. Лк. 10, 12—15)? А слова Ап. Павла въ 1 Тим. 4, 10: „Богъ есть спаситель *всѣхъ* людей, *особенно* (*μάλιον*—всею болѣе, преимущественно) *вѣрныхъ*“? А Дѣян. 10, 35: „во всякомъ народѣ боящійся Его (Бога) и дѣлающій правду пріятенъ Ему есть?“ А „благочестивые“ или „особенно набожные“ Аѳиняне, чтущіе Того Самаго Невѣдомаго Бога, что проповѣдывалъ Ап. Павелъ (Дѣян. 17, 22—23)? Едва ли поэтому можетъ быть плодотворна въ полемикѣ съ сектантами такая аподиктичность въ трудномъ догматическомъ вопросѣ. И въ виду словъ сектантскаго протеста Поликарпа на стр. 81: „если говорить по правдѣ, то въ священномъ Писаніи *нѣтъ ни запрещенія, ни повелѣнія*“ (курсивъ автора) крестить дѣтей“, православному полемисту слѣдовало бы доказывать законность крещенія младенцевъ не изъ тѣхъ или другихъ текстовъ („строкъ“ по штундской терминологіи) Библіи, а изъ общехристіанскаго духа или общехристіанской вѣроучительной системы—для сектантовъ, а для православныхъ—еще изъ древне-апостольскаго преданія.

Въ бесѣдѣ о *мощахъ* на стр. 258 „примѣръ Еноха и Иліи научаеъ насъ той истинѣ, что всякому человѣку не *обязательно*“ (курсивъ автора) *истлѣвать по смерти*“ (курсивъ мой). Да развѣ Енохъ и Илія „не истлѣли *по смерти*“? Также на стр. 263 къ доказательству нетлѣнія мощей святыхъ привлечено не содержащее никакого доказательства мѣсто изъ 1 Фесс. 5, 23. А рѣчь о тлѣніи: „оно вошло въ міръ какъ наказаніе за грѣхъ Адама,—Христосъ и *немногіе праведники извѣгли его*“ (курсивъ мой) даетъ поводъ думать, что

авторъ считаетъ возможнымъ, хотя и для немногихъ праведниковъ, избѣжаніе отъ закона смерти, какъ наказанія за грѣхъ Адама. Вообще, повидимому, авторъ склоненъ понимать нетлѣнныя мощи въ смыслѣ отсутствія въ нихъ химическаго процесса разложенія. Можно ли пользоваться такою аргументаціей въ спорахъ съ сектантами, хотя бы и простыми только начетчиками?

Въ бѣсѣдѣ о *руководствѣ о рукотворенныхъ храмахъ христіанскихъ* (стр. 286 ср. 321) для сообщенія доказательной силы ветхозавѣтному храму привлеченъ текстъ Іак. 1, 17: „у Отца Свѣтовъ нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны“, но такъ обще, что іудео-христіане могли бы воспользоваться имъ для доказательства необходимости продолжать обрѣзаніе и обрядовой законъ Моисеевъ, приносить агнца и т. п. Колебательнъ также на стр. 291 ср. 321 толкъ 2 Сол. 2, 3—4 объ антихристѣ: „сядетъ въ храмъ Божіемъ“ въ значеніи *христіанскаго храма*.

Подобное же въ бѣсѣдѣ о *почитаніи иконъ*. Авторъ какимъ то образомъ нашелъ возможность сдѣлать ссылку на изображеніе Кесаря на римскомъ динаріѣ (Матѣ. 22, 18—21),—стр. 299. Указываетъ на молитву Ап. Павла и другихъ Апостоловъ въ іерусалимскомъ храмѣ (Дѣян. 22. 17 и 3, 1) стр. 312, 320, 323 и 325, хотя Ап. Павелъ и другіе Апостолы (кромѣ быть можетъ Іакова и Іоанна, сыновей Заведая), какъ не принадлежавшіе къ священническимъ родамъ, могли имѣть доступъ только въ дворы храма (*τὸ ἱερόν*), а не въ самый храмъ (*ναός*). Да и доказывать существованіе въ храмѣ Иродовомъ „рѣзныхъ изображеній херувимовъ по всѣмъ стѣнамъ“ ссылкой на видѣнный Іезекиилемъ въ пророческомъ созерцаніи храмъ (Іезек. 41, 17—18)—по меньшей мѣрѣ странно.

Въ доказательство почитанія *Креста Христова* на стр. 337 приводятся слова Ап. Павла изъ Гал. 6, 14: „я не желаю *хвалиться* (курсивъ мой), развѣ только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа“, интерпретируя терминъ хвалиться (*καυχῶμαι*) такъ: „что значить *хвалиться* (курсивъ автора) Крестомъ Христовымъ? Это значить держать его *высоко* (курсивъ автора), на виду, какъ *святню*. Православные такъ и поступаютъ“. На стр. 341 ср. Катех. 52—53 обычай христіанъ вѣшать кресты на шею считается *исполненіемъ* Писанія, именно словъ Притч. 6, 20—21: „сынъ мой, не отвергай на-

ставленія матери твоей: обвяжи ими шею твою“,—такимъ образомъ невещественныя *наставленія матери* превращены въ вещественный крестъ и невещественное „обвяжи ими шею твою“ въ вещественный шнурокъ или цѣпь для ношенія креста. А между тѣмъ почему то нѣтъ болѣе соответствующихъ предмету данныхъ Апок. 7, 3—4; 9, 4; 14, 1; 22, 4 ср. 13, 16; 14, 9; 20, 4.

На стр. 359 ср. Катехизисъ стр. 56 обычай христіанъ *поститься въ среду и пятницу* авторъ обосновываетъ на изреченіи Господа: „придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ и тогда будутъ поститься *въ тѣ дни* (Марк. 2, 19—20), разумѣя подъ „тѣми днями“ среду, когда воспоминается „окончательное рѣшеніе фарисеевъ убить Господа“ и пятницу, когда Господь „дѣйствительно былъ убитъ, распятый на крестѣ“. Вѣдь этакъ можно доказать *изъ Писанія* („отъ строки“) рѣшительно всѣ обычаи христіанъ, даже явившіеся въ несомнѣнно позднѣйшее время и у частныхъ только церквей. Невольно закрадывается непріятное подозрѣніе въ правдивости обвиненія сектантами миссіонера въ томъ, что онъ „переворотилъ“ Писаніе (стр. 318), конечно не все, а только кое-гдѣ.

Напротивъ, предметы, раскрываемые въ Писаніи подробно и прямо, или совсѣмъ обойдены молчаніемъ, или же затронуты слишкомъ поверхностно.

Первое—въ разсужденіи объ *условіяхъ* для успѣшности миссіонерскаго дѣла (введеніе). Среди нихъ (авторъ называетъ ихъ „главными“ условіями, стр. 9) мы не находимъ именнo тѣхъ, что прямо и выразительно указаны въ наставленіяхъ Господа при посланіи на проповѣдь Двѣнадцати (Мк. 10, 5 и дал.) и Семидесяти (Лук. 10, 1 и дал.) учениковъ. И это тѣмъ неожиданнѣе, что миссіонеръ, не обинуясь, именуется себя „благовѣстникомъ“ и „посланникомъ церкви“ (стр. 3 и 8). Указанныя въ концѣ введенія стр. 9 „доброе сердце“ и „любовь“ („при этихъ *главныхъ* условіяхъ—при любящемъ добромъ сердцѣ миссіонера“) предполагаются необходимыми въ каждомъ христіанинѣ и не имѣютъ *исключительно миссіонерскаго* значенія.

Второе—въ изложеніи ученія Ап. Павла объ оправданіи вѣрою (стр. 28 и дал.). Авторъ движется на внѣшней поверхности словъ апостольской рѣчи о предметѣ въ посла-

ніяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ, не погружаясь въ нравственно-психологическую глубину богословскихъ созерцаній Апостола. Поэтому получаютъ однѣ только отвлеченныя формулы, а не живое, дѣйственное и проникающее въ глубь души слово Божіе (Евр. 4, 12). Этимъ же объясняется и то, что спасеніе разбойника, увѣровавшаго во Христа на крестѣ, авторъ на стр. 46 подъ чертою считаетъ какимъ то случайнымъ исключеніемъ (какъ будто въ такихъ явленіяхъ возможны исключенія!?), а не основнымъ и глубоко-принципальнымъ дѣломъ божественной правды въ домостроительствѣ спасенія человѣка. Вѣдь подъ вѣрою Апостолъ разумѣетъ такое усвоеніе себѣ вѣрующимъ Христа, что оно совершаетъ въ немъ дѣйствительное перерожденіе ветхаго человѣка въ новаго и потомъ постепенно претворяетъ и преображаетъ его изъ славы въ славу до одухотворенія и прославленія его по образу воскресшаго и вознесшагося Христа Богочеловѣка. Отсюда вполне понятнымъ должно быть, какъ вѣра разбойника могла мгновенно переродить его изъ ветхаго въ новаго человѣка по Христу и Богу, такъ что самая эта вѣра его уже и была *дѣломъ* независимо отъ того, была ли возможность для внѣшняго проявленія ея въ жизни земной, какъ необходимаго плода и проявленія ея, а не условія для оправданія. Популярность задачи отнюдь конечно не избавляла автора отъ обязанности раскрыть предметъ по возможности всесторонне и глубоко. Напротивъ, именно этотъ предметъ, какъ самый основной для древняго и новаго протестантизма, и долженъ быть изслѣдуемъ противощтундскимъ полемистомъ прежде и полнѣе всего, ибо какъ въ данномъ предметѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, наша штунда является прямою послѣдовательницею западнаго протестантизма.

Къ указанному общему и главному недостатку „Миссіонерскихъ бесѣдъ“ г. Боголюбова могу присоединить еще и нѣкоторыя изъ замѣченныхъ мною частныхъ, представляющихъ невѣрности, преувеличенія, натяжки, искусственности и необоснованности въ толкованіи библейскихъ текстовъ:

Заявляя на стр. 7-й, что „православный собесѣдникъ долженъ требовать отъ сектантовъ отвѣта *непримѣнно изъ Слова Божія*“ и что данный отвѣтъ надобно разсмотрѣть *по буквѣ*, въ связи съ другими стихами главы“, самъ православный

собесѣдникъ однако же на 11-й стр. по поводу Іоан. 8, 6 утверждаетъ, что „Христосъ писалъ неизвѣстныя слова“ (почему же непременно слова? *κατέγραψεν* означаетъ вообще: чертилъ, начертывалъ, но слова ли, или другое что, не опредѣляетъ) и при томъ „на песокъ“ (почему же на песокъ? *εἰς τὴν γῆν* означаетъ: „по направленію къ землѣ, на полу, по землѣ,—если это было въ храмѣ, то всѣ дворы его были вымощены камнемъ).

На стр. 60 говорится, что „средостѣніе вражды, отдѣлявшее людей отъ Бога, пало со смертію Христа“, со ссылкой между прочимъ на Ефес. 2, 14—16, гдѣ какъ терминъ *τὸ μεσότοιχον τοῦ φραγμοῦ* (имѣется одинъ изъ камней этого средостѣнія ограды, существовавшей въ іерусалимскомъ храмѣ между дворами израильтянъ и язычниковъ, съ надписью о воспрещеніи язычникамъ подъ угрозою смерти переступать эту ограду), такъ и связь мыслей показываетъ, что разумѣется паденіе собственно средостѣнія между язычниками и іудеями.

Въ разсужденіяхъ о недостаточности одного Писанія и необходимости Преданія опущенъ существенно важный, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ о самодостаточности евангельскаго писанія для вѣры и вѣчной жизни вѣрующаго во Христа, текстъ Іоан. 20, 31.

Не разъяснено въ достаточной мѣрѣ пресуществленіе тѣла и крови Господа на тайной вечери (стр. 209).

Въ разсужденіяхъ о постахъ (стр. 351 дал.) нѣтъ существенно важныхъ примѣровъ изъ узаконеній Моисея, ветхозавѣтнаго назорейства, великаго предъ Богомъ Іоанна Крестителя (Лук. 1, 15 ср. Мѣ. 3 и 4 и парал.).

Въ разъясненіяхъ того, почему православные молятся одною, а не обѣими руками (стр. 348 дал.), авторъ, кажется, упустилъ изъ виду „воздѣяніе обѣихъ рукъ“ священникомъ и епископомъ за литургіей.

Никакихъ нѣтъ въ книгѣ поясненій по поводу различія новѣйшими протестантами царства Божія, царства Христова и Церкви.

Въ разсужденіяхъ объ іерархическихкихъ степеняхъ недостаточно разсмотрѣнъ вопросъ о различіи епископовъ и пресвитеровъ въ Новомъ Завѣтѣ, особенно Дѣян. 20, 28 (вмѣсто русскаго „блюстителями“ въ греческомъ и славянскомъ

„епископы“) и 1 Тим 4, 14 (возложеніе на Тимоѳея рукъ пресвитерства или пресвитеровъ—въ греческомъ, вмѣсто тепершняго славяно-русскаго: священничества и священства).

На стр. 128 авторъ утверждаетъ, что „въ апостольскія времена были *три* степени (ср. 1 Тим. 2, 13) служителей алтарей Божіихъ: эти степени—Апостоловъ, пресвитеровъ и діаконовъ—должны быть и въ наши дни: *только изъ смиренія* (? неужели только изъ смиренія?) преемниковъ Апостольскихъ Церковь именуетъ „епископами“, „блюстителями“, а не Апостолами,—остальныхъ же лицъ (пресвитеровъ и діаконовъ) она называетъ прежними именами“. Такимъ образомъ авторъ, кажется, отождествляетъ апостольство и епископство. Но *существеннымъ* условіемъ апостольства въ Дѣян. 1, 21—22, 1 Кор. 9, 1 ср. 15, 8—10, Гал. 1, 1 служитъ „*видѣніе Господа* Іисуса Христа и непосредственное или личное *избраніе Имъ* на апостольское служеніе“. Поэтому въ Дѣян. 1, 23 на мѣсто Іуды прочіе одиннадцать только поставили (*ἐβήτησαν*), т. е. выставили, нашли въ своей средѣ,—*двухъ* лицъ, удовлетворявшихъ первому условію апостольства („*пребываніе съ нами и слѣдованіе за Христомъ во все время, когда Онъ вошелъ къ намъ и отошелъ—до дня, когда Онъ вознесся отъ насъ*“) —Іосифа, называвшагося Варсавою и Іустомъ и Матѳея. А *избралъ* (*ἐξελέξατο*) Матѳея Самъ Господь Іисусъ Христосъ, а не община (церковь) и не апостолы.

Едва ли удобно объясненіе на стр. 244 поклоненія Іоанна Богослова Ангелу въ Апок. 22, 8 ср. 6 ср. 19, 9: „Ап. Іоаннъ, удостоенный видѣнія Бога и Ангеловъ, былъ въ трепетѣ и ужасѣ: въ такомъ состояніи ему *трудно было* (?) отличить Бога отъ Ангеловъ, и вотъ онъ падаетъ къ ногамъ Ангела, какъ къ ногамъ Божіимъ“. Но Тайнозрителю *не было трудно* знать, что онъ поклоняется *Ангелу*, ибо еще до поклоненія ему въ 6 стихѣ онъ слышалъ, что „Богъ послалъ *Ангела* Своего показать рабамъ Своимъ то, чему надлежитъ быть вскорѣ“ и въ 8 ст. Тайнозритель говоритъ, что „онъ палъ къ ногамъ именно *Ангела, показывавшаго ему сіе*, чтобы поклониться“.

Въ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ стр. 252 ср. 274 *буквально* поняты разговоръ ихъ: „если *Авраамъ, находясь въ раю, услышалъ* обращенную къ нему молитву изъ ада,—тѣмъ

болѣе праведники, члены одного съ нами тѣла во Христѣ, могутъ слышать наши молитвы“. Но такъ буквалистически пользоваться притчею нельзя уже потому, что до сошествія Христа во адъ, по церковному ученію, самъ Авраамъ былъ не въ раю, а въ шеолѣ или аду, вмѣстѣ со всѣми другими ветхозавѣтными праведниками.

На стр. 269—270 Евр. 9, 27 слово „потомъ — *μετὰ τοῦτο*“, т. е. послѣ смерти—авторъ толкуетъ въ значеніи „*тогда*“ (по смерти) и выводитъ отсюда заключеніе, что здѣсь рѣчь не о послѣднемъ страшномъ судѣ, а о предварительномъ, бывающемъ надъ каждымъ человѣкомъ „*тогда* же послѣ смерти“. Однакожъ убѣдительныхъ для сектантовъ основаній въ пользу такого толкованія не представлено.

Въ „Катехизисѣ“, въ отдѣлѣ о клятвѣ (стр. 61 — 62), не приняты во вниманіе *существенно* здѣсь важныя слова Господа: „да будетъ слово ваше: „да—да, нѣтъ—„нѣтъ“,—а *что сверхъ этого, то отъ лукаваго*“ (Мѡ. 5, 37),—и Іак. 5, 12: „не клянитесь ни небомъ, ни землею и *никакою другою клятвою*: но да будетъ у васъ: „да—да“ и „нѣтъ—нѣтъ“.

Въ доказательство той пользы, какую могла бы оказать „Миссіонерскимъ бесѣдамъ“ и наука, укажу нѣкоторые наиболѣе элементарные примѣры.

Изъ филологій. На стр. 143 авторъ говоритъ: „фарисеи не были священники, Богомъ *призванные* учителя, — это были самозванцы, хищники, гордецы,—они лѣзли на Моисеево сѣдалище, хотя никто ихъ туда не звалъ,—они учили народъ *заповѣдямъ Божиимъ*“ (? ср. Марк. 7, 8—13), выдумывали произвольныя толкованія на эти заповѣди, а сами перстомъ не двигали для того, чтобы жить по закону Божию. Что же Христосъ? Не велитъ (развѣ) *вовсе* слушать такихъ учителей? Нѣтъ. Слушать ихъ голоса Онъ приказываетъ: „*все что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте*“. Господь за-прещаетъ Своимъ ученикамъ лишь подражать гордости, лицемерію и самозванству фарисеевъ. *Бѣжать же изъ Церкви* ради фарисеевъ Онъ никому не приказываетъ“. Недоумѣніе вызываетъ уже то, какъ это могли бы іудеи бѣжать изъ Церкви ради фарисеевъ, когда храмъ и все богослуженіе въ то время находились въ рукахъ священниковъ, *in magna parte* саддукеевъ,—а фарисеи большею частью были только простыми учителями. Но главное: могъ ли Христосъ приказыв-

вать Своимъ слушателямъ дѣлать и соблюдать *все, что бы ни говорили фарисеи*, въ виду неоднократныхъ Его обличеній ихнихъ толкованій закона, напр. Марк. 7, 8—13 и др.? Затрудненіе однакожъ легко устраняется простою филологическою справкою объ употребленіи термина „*все*“. Слово неизвѣстнаго значенія „нехуштанъ“ въ 4 Цар. 18, 1—4 авторъ толкуетъ (стр. 311 ср. 331) въ значеніи „мѣдный богъ“ (?), умалчивая объ основаніяхъ такого толкованія (вѣроятно это просто народное названіе мѣднаго—*нехошет* змѣя—*нехан*). Въ доказательство обычая креститься чрезъ *погруженіе* въ воду, а не омовеніе, авторъ долженъ былъ сослаться на греческіе термины новозавѣтные для христіанскаго крещенія βαπτίζω, βάπτισμα, βαπτισμός, βαπτιστής, соотвѣтствующіе русскимъ: погружать или погребать—въ воду, землю, а не λούω—омывать (стр. 15). На стр. 263 въ 1 Θεсс. 5, 23 опредѣленіе „во всей цѣлости“—*ολόκληρον* въ греческомъ оригиналѣ и славянскомъ переводѣ стоитъ предъ *ἐμὸν πνεῦμα* — слав. „всесовершенство вашъ духъ“, а въ Русс. и у автора — послѣ „тѣло“, что невѣрно.

Изъ археологій. На 145 стр. длинная одежды православныхъ священнослужителей доказываются „фелонью“ Ап. Павла (2 Тим. 4, 13) и „нешвенымъ“ хитономъ Господа (Іоан. 19, 23): „фелонью въ древности называлась длинная одежда: *въ такой* (?) длинной одеждѣ ходилъ Христосъ (Іоан. 19, 23)“. Но фелонь или фелонъ (*φαινόλης* и *φαιλόνης* изъ лат. *raepula*)—верхняя одежда (дорожный толстый плащъ), напротивъ хитонъ—одежда нижняя, соотвѣтствующая нашей сорочкѣ. Поэтому нельзя сказать: „въ такой (какъ фелонь? или въ фелони?) длинной одеждѣ ходилъ Христосъ“. Въ выше уже приведенномъ примѣрѣ стр. 312, 320, 323 и 325 авторъ смѣшиваетъ различаемые св. Лукою и всѣми евангелистами *ναός* (собственно храмъ) и *τό ἱερόν* (окружавшіе храмъ дворы съ ихъ постройками). См. для *ναός* Лук. 1, 9, 21. 23 др. Дѣян. 17, 24; Матѳ. 23, 16. 35,—26, 61,—27, 51 и парал. Іоан. 2, 19 сл. и для *τό ἱερόν*—Лук. 2, 27. 37. 46 др. Дѣян. 2, 46; 3, 1 др. Матѳ. 4, 5,—21, 12. 14. 15,—26, 55 др. и парал. Вслѣдствіе этого смѣшенія получилось, что Ап. Павелъ, какъ и другіе Апостолы, будто бы молились въ самомъ „храмѣ“ предъ рѣзными изображеніями херувимовъ, а для доказательства ихъ бытія въ Иродовомъ храмѣ привлекается экстагическое ви-

дѣніе пророка Іезекіиля (впрочемъ изображенія херувимовъ были въ Иродовомъ храмѣ). На стр. 331 авторъ утверждаетъ, что „при скинии хранился не одинъ мѣдный змѣй, а и шесть“ для того, чтобы найти въ буквѣ Писанія указаніе на всѣ части христіанскаго креста. Но въ 4 Цар., 18, 4 упомянутъ только „мѣдный змѣй“, безъ „деревяннаго шеста“.

Въ заключеніе два курьеза въ изложеніи. За исключеніемъ кажется одного, со всѣми прочими собесѣдниками миссіонеръ обращается на „ты“, тогда какъ ему самому всегда говорятъ „вы“. И на стр. 243, чтобы наглядно уяснить штундистамъ—крестьянамъ различіе въ поклоненіи православныхъ христіанъ *Богу и святымъ*, миссіонеръ приводитъ такой „житейскій примѣръ“: всѣ вы одинаково снимаете шапки предъ земскимъ начальникомъ и старшиной. А развѣ въ сердцѣ своемъ кто смѣшиваетъ этихъ двухъ лицъ? Конечно нѣтъ. Такъ, при одинаковомъ наружномъ поклоненіи Богу и святымъ, мы *рѣзко* различаемъ свое служеніе имъ“. Сравненіе во всякомъ случаѣ довольно смѣлое.

Приведенныхъ примѣровъ, далеко впрочемъ не исчерпывающихъ подобнаго рода матеріалъ книги, считаемъ достаточными для доказательства, что тѣ, кто дерзаетъ употреблять библейскій текстъ для полемическихъ или еще какихъ другихъ цѣлей, безъ обладанія *научною грамотою*, должны быть крайне осторожны въ этомъ дѣлѣ и прежде всякихъ *доказательствъ отъ Писанія* подумать и подумать о существованіи науки, какъ безпристрастной рѣшительницы всякихъ споровъ.

Въ заключеніе же, противъ чрезмѣрнаго увлеченія полемикою съ сектантствомъ, считаю нужнымъ указать на исторію. Въдѣ споры по этимъ вопросамъ, и притомъ между ученѣйшими представителями науки—католиками, протестантами и разными протестантскими школами и партіями—религіозными и научными,—идутъ уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. А между тѣмъ не видно, чтобы протестантизмъ въ настоящее время былъ болѣе склоненъ къ возвращенію въ католичество, чѣмъ во времена реформациі. Напротивъ, онъ все болѣе и болѣе вырождается въ „безнесповѣдное христіанство“—безъ символа, обрядовъ, іерархіи,

церкви. Дѣло тутъ очевидно не „въ препрѣтельныхъ словахъ человѣческой мудрости“, а въ томъ „свѣтѣ міру“ и той „соли земли“, что должны свѣтити и осолять людей,—всѣ вообще сыны истинной церкви, а ея предстоятели и миссіонеры—въ особенности. Для нихъ катехизисомъ должны быть не столько третьи или двадцатые изданія разныхъ „противосектантскихъ катехизисовъ“, сколько духъ самой Библии, четвероевангеліе, нагорная бесѣда, наставленія Христа Двѣнадцати и Семидесяти ученикамъ.

Въ этомъ отношеніи поучительна, а вмѣстѣ и прискорбна для истинныхъ чадъ Православной Церкви, заключительная глава Миссіонерскихъ бесѣдъ: „на моленіи“ у штундо-баптистовъ. „Пѣли крѣпко, стройно и согласно. Бабы съ увлеченіемъ подтягивали мужикамъ... Чувствовалось какое то дикое воодушевленіе въ голосахъ поющихъ. По временамъ оно достигало необычайной выразительности: тогда глаза всѣхъ горѣли какой то желѣзной энергіей... Въ сердцахъ этихъ людей, несомнѣнно, теплится любовь къ своему вѣроученію. Они пошли въ „святые“ *страстно и искренно*... А потомъ, послѣ своихъ, изъ народной души и крестьянской груди излившихся пѣснопѣній, живая и навѣрно дышащая воодушевленіемъ, рѣчь „пресвитера“—крестьянина и молитвенныя импровизаціи другихъ „братьевъ“... Наконецъ, послѣдняя пѣснь про Сіонъ Небесный, гдѣ слова „аллилуйя Іисусу“ *подхватываются съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ и производятъ сильное впечатлѣніе своей восторженной выразительностью*... Община снова задышала дикой вѣрой въ свою секту“.

Вѣра, хотя и дикая, но неподдѣльная и живая,—воодушевленіе, хотя и изступленное, но могучее и чистосердечное, любви, хотя и страстная, но самоотверженная и искренняя: эти живыя и мощныя силы требуютъ отъ церкви равныхъ же, если не болѣе мощныхъ и живыхъ, противосиль въ подкрѣпленіе къ „Миссіонерскимъ бесѣдамъ съ штундо-баптистами“, „евангелистовъ“ и „посланниковъ“ церкви. Миссіонерская полемика съ сектантствомъ есть только наружное лѣченіе недуга и предохраненіе отъ его распространенія. Внутреннее и полное исцѣленіе русскаго народа отъ сектантства должно состоять съ одной стороны—въ строго *научномъ изученіи историческихъ основъ религіозности и*

правственности русского народа, а съ другой—въ возрожденіи *соборности* на Руси православной,—дѣйственной *вѣры*, воодушевленной *надежды* и искренней *любви*, при живомъ и *непрестанномъ общеніи* *всѣхъ членовъ* церковнаго тѣла Христа“.

Справка: 1) Представленіе вышеизложенныхъ двухъ докладовъ вмѣсто одного, общаго отъ всей комиссіи, вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, по болѣзни, не имѣлъ возможности принимать участія въ совмѣстномъ обсужденіи вопроса съ остальными двумя членами комиссіи—заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. О. Ключевскимъ и и. д. доцента И. М. Громогласовымъ, проживающими въ г. Москвѣ.—По оглашеніи въ настоящемъ собраніи Совѣта означенныхъ докладовъ, профессоръ М. Д. Муретовъ присоединился къ рѣшительному заключенію по данному вопросу, выраженному остальными двумя членами комиссіи, равно какъ и послѣдніе выразили полное сочувствіе и согласіе съ тѣми соображеніями и выводами, которые изложены въ докладѣ профессора М. Д. Муретова.—2) Въ томъ же собраніи 13 августа, когда Преосвященнымъ Ректоромъ заявлено было „о желаніи Его Высокопреосвященства имѣть исправляющимъ должность доцента по новоучрежденной имъ кафедрѣ „исторіи и разбора русскаго сектантства“ епархіальнаго мисіонера Петербургской епархіи, магистранта 49 курса Московской Духовной Академіи Дмитрія Боголюбова“,—Совѣтомъ заслушано было и прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности Д. Г. Коновалова о переводѣ его съ занимаемой имъ кафедры на вновь учрежденную кафедру „исторіи и разбора русскаго сектантства“.—„Удовлетвореніе Совѣтомъ моей просьбы,—писалъ въ этомъ прошеніи г. Коноваловъ,—дало бы мнѣ возможность безраздѣльно заняться предметомъ, къ которому съ давнихъ поръ, еще съ академической скамьи, тяготѣетъ мой научный интересъ,—съ полнымъ успѣхомъ завершить уже предпріятыя мною работы по изученію русскихъ сектъ (обширное изданіе „матеріаловъ по русскому сектантству“ и диссертацию о русскомъ мистическомъ сектантствѣ, для выполненія которой я специально занимался въ нервной и психіатрической клиникахъ при

Московскомъ Университетѣ, собиралъ рукописи, изучалъ секты Западной Европы и Америки, работалъ въ библіотекахъ Москвы и Петербурга) и осуществить программу работаннаго мною же, принятаго комиссіей и утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ проекта нынѣ учрежденной при Академіи каеэдры „исторіи и разбора русскаго сектантства“.—3) По § 81 лит. ѳ. п. 4 устава духовныхъ академій „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что Совѣтъ Академіи исполнѣ раздѣляетъ высказанное комиссіей рѣшительное заключеніе о рассмотрѣнныхъ ею печатныхъ трудахъ г. Боголюбова, какъ „не свидѣтельствующихъ о достаточной научной подготовленности его къ преподавательской дѣятельности въ духовной академіи“. — 2) Признавая исправляющаго должность доцента Академіи Д. Г. Коновалова единственнымъ, извѣстнымъ Совѣту, кандидатомъ, исполнѣ достойнымъ занять вновь учрежденную каеэдру „исторіи и разбора русскаго сектантства“, — ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о переводѣ г. Коновалова на означенную каеэдру съ занимаемой имъ нынѣ каеэдры греческаго языка и его словесности.

VII. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи: „Считаю долгомъ предложить Совѣту Академіи озаботиться пріисканіемъ достойнаго кандидата для замѣщенія каеэдры *древней гражданской исторіи* въ Академіи, оставшейся вакантною за выходомъ въ отставку заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *Н. Ѳ. Кантерева*.“

Опредѣлили: 1) Избраніе кандидата для замѣщенія вакантной каеэдры *древней гражданской исторіи* отложить до октябрьскаго собранія Совѣта Академіи. — 2) Принимая во вниманіе, что лицу, имѣющему быть избраннымъ, необходимо будетъ дать достаточное количество времени для подготовки и составленія курса лекцій,—временное исполненіе преподавательскихъ обязанностей по каеэдрѣ *древней гражданской исторіи* въ 1905 — 1906 учебномъ году поручить (съ 15 сего сентября) бывшему преподавателю этого предмета—заслуженному ординарному профессору *Н. Ѳ. Канте-*

реву, изъявившему на то свое согласіе, съ производствомъ ему, согласно § 60 академическаго устава, вознагражденія въ размѣрѣ 864 рублей въ годъ; о чемъ почтительнѣйше и представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VIII. Отзвы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ психологіи, кандидата богословія, *П. П. Соколова* подъ заглавіемъ: „Вѣра. Психологическій очеркъ“. Москва, 1902 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ исторіи философіи *П. В. Тихомирова*:

„Небольшое по объему сочиненіе *П. П. Соколова* подъ указаннымъ выше заглавіемъ принадлежитъ къ числу такихъ, вообще говоря, рѣдкихъ магистерскихъ диссертаций, при чтеніи которыхъ рецензенту ничего, кромѣ удовольствія, испытывать не приходится, и о которыхъ трудно было-бы отозваться иначе, какъ только съ самой полной и рѣшительной похвалой. Это объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что разсматриваемый трудъ не есть произведеніе молодого, начинающаго ученаго, чѣмъ обыкновенно бывають магистерскія диссертации, а вышелъ изъ-подъ пера солиднаго ученаго спеціалиста, уже 17-й годъ подвизающагося на поприщѣ преподаванія своего предмета (психологіи) въ высшемъ учебномъ заведеніи и уже успѣвшаго приобрѣсти себѣ извѣстность и заслуженное уваженіе въ философскихъ кругахъ нашего отечества, а отчасти и за границей, своими психологическими и философскими изслѣдованіями и очерками, печатавшимися въ свѣтскихъ и духовныхъ журналахъ—русскихъ и иностранныхъ. Свободный отъ обычныхъ недостатковъ, свойственныхъ молодымъ, хотя-бы и талантливымъ, авторамъ, настоящій трудъ обладаетъ всѣми достоинствами, какія являются принадлежностью таланта вполне зрѣлаго, выступающаго во всеоружіи научныхъ знаній и литературной опытности.

„Вѣра“ *П. П. Соколова* печаталась въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ за 1902 годъ и въ томъ же году вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Первоначально, насколько мнѣ извѣстно, она не предназначалась быть магистерскою диссертацией, чему единственной причиной (въ глазахъ автора), повидимому, служилъ ея сравнительно малый объемъ. На

самомъ дѣлѣ объемъ этотъ (8 печатныхъ листовъ) далеко не безпримѣрный, и для него можно указать не мало прецедентовъ въ ряду академическихъ и университетскихъ диссертаций на ученые степени. Говорю это исключительно для тѣхъ, кому, можетъ быть, еще не очевидна сама по себѣ та истина, что достоинства научной работы менѣе всего могутъ опредѣляться количествомъ исписанной бумаги. Отдавая должное этой щепетильности автора и его требовательности къ самому себѣ, я однако искренно привѣтствую его, наконецъ то (черезъ 3 года) опредѣлившуюся, рѣшимость дать своей книгѣ то назначеніе, какого она безусловно заслуживала и заслуживаетъ. Къ ней вполне примѣнимо выраженіе: „малъ золотникъ, да дорогъ“. Той эрудиціи, какую располагаетъ авторъ, и тѣхъ фактовъ, какіе имѣлись въ его распоряженіи, менѣе опытному писателю хватило бы на книгу, вдвое большаго объема, но врядъ ли бы и вполнину такого-же качества.

За время, протекшее отъ выхода въ свѣтъ книги П. П. Соколова до ея представленія на судъ Академіи въ качествѣ магистерской диссертации, она уже успѣла приобрести себѣ вполне опредѣленную научно-литературную репутацію. Отзывы о ней даны были въ „Христіанскомъ Читеніи“, „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Archives de Psychologie“, „Bulletin de l' Institut psychologique“ и „Česká Mysl“; можетъ быть, были и еще гдѣ-нибудь, но мнѣ это неизвѣстно. Теперь въ философски-освѣдомленныхъ кругахъ и даже въ большой публикѣ книга П. П-ча признается безусловно цѣнной и поучительной работой, съ которой нельзя не считаться и ею не пользоваться при занятіяхъ вопросами вѣры съ психологической и философской стороны. Я очень радъ, что, охотно присоединяясь къ такой оцѣнкѣ въ качествѣ философа, могу теперь, съ другой стороны, и отъ лица богословской науки и ея интересовъ, по порученію Совѣта Московской Духовной Академіи, засвидѣтельствовать о высокихъ достоинствахъ разсматриваемаго сочиненія и о его неоспоримой достаточности для доставленія автору искомой имъ ученой степени магистра богословія.

„Вѣра“ П. П. Соколова состоитъ изъ 6 главъ, существенное содержаніе которыхъ можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ.

Вѣра, въ психологическомъ смыслѣ этого слова есть самая естественная и необходимая функція человѣческаго ума. На ней покоится каждый актъ сознанія, изъ нея вытекаютъ всѣ наши дѣйствія, и трудно назвать другой вопросъ, который могъ бы имѣть большую важность для человѣческой мысли и жизни, чѣмъ вопросъ о вѣрѣ. Значеніе этого вопроса не ограничивается предѣлами одной только религіи, которая многими считается исключительной областью вѣры. Истины религіи—это лишь идеальныя высоты, на которыя должна подняться наша мысль, чтобы найти тамъ нравственное примиреніе окружающихъ насъ противорѣчій дѣйствительности. Но и въ земныхъ низинахъ, въ любомъ уголкѣ знанія и жизни все проникнуто вѣрой, все держится и движется этой силой. Наивный реализмъ обыденнаго сознанія,—убѣжденіе въ дѣйствительности пространственно-чувственного міра, въ которомъ мы живемъ и который для насъ полонъ свѣта, красокъ и звуковъ,—при ближайшемъ изслѣдованіи (съ точки зрѣнія современной физики) оказывается только вѣрой, и, притомъ, иллюзорной вѣрой. Болѣе удовлетворяющая нашу мысль, чѣмъ простой чувственный опытъ, научная концепція міра, въ свою очередь, не избѣгаетъ подобнаго же суда и оказывается (съ точки зрѣнія философа) основанной также на вѣрѣ и выражающей не дѣйствительную природу вещей, а только болѣе удовлетворительный способъ мышленія о нихъ. Но и философъ,—если онъ не ограничится этой отрицательно-критической оцѣнкой научной концепціи міра, а попытается на мѣсто ея поставить свою, метафизическую, концепцію,—въ концѣ концовъ тоже только исповѣдуетъ свою вѣру, не болѣе; другіе философы смѣются надъ этой вѣрой и предлагаютъ вмѣсто его теоріи свои собственныя рѣшенія міровыхъ проблемъ. Подобнымъ же образомъ можно доказать, что и въ области практическихъ отношеній и цѣлей, называемой жизнью, вѣра есть одна изъ самыхъ главныхъ и самыхъ могучихъ управляющихъ силъ (Гл. 1. „Значеніе вѣры“. Стр. 3—11).

Разъ вѣра служитъ основой нашего познанія и жизни, проникаетъ наши идеи, вторгается въ міръ нашихъ чувствъ и управляетъ нашими дѣйствіями, то вполне естественно, что она понимается теоретиками очень различно и опредѣляется,—смотря по тому, какая изъ ея сложныхъ теорети-

ческих и практических функций принимается въ расчетъ,—то какъ извѣстный способъ познанія, то какъ особая форма чувства, то какъ своеобразный волевой актъ. Джемсъ Милль, Джонъ Стюартъ Милль, Брентано, Липпсъ, Стаутъ и нѣкоторые другіе, съ одной стороны, Юмъ и Бэдждотъ, съ другой, наконецъ, Фихте, Декартъ и Бэнъ, съ третьей, являются представителями этихъ различныхъ пониманій сущности вѣры. Всѣ эти взгляды страдаютъ односторонностью, и въ то же время каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правды. Интеллектуалисты правы, поскольку безпредметной вѣры не существуетъ, и представленіе ея объекта есть основной ея элементъ; но ихъ объясненія того, почему не все представляемое и мыслимое нами внушаетъ намъ вѣру, въ чемъ состоитъ элементъ, который долженъ присоединиться къ безразличному представленію, чтобы дать ему живой колоритъ дѣйствительности, свойственный вѣрѣ, не могутъ быть признаны удовлетворительными. Правы и представители эмоціональных теорій вѣры, когда утверждаютъ, что элементъ, дающій реальный смыслъ предметамъ нашей вѣры, лежитъ за предѣлами мысли и ея ассоціативныхъ и логическихъ соотношеній, что это элементъ ирраціональный, который, по его природѣ, можно назвать не иначе, какъ своеобразнымъ чувствомъ; но они не правы, когда сравниваютъ эмоціональный элементъ вѣры съ чувствомъ обыкновеннаго удовольствія, или относятъ его къ категоріи нравственныхъ эмоцій, подобныхъ чувству любви; эмоціональный элементъ вѣры принадлежитъ къ категоріи такъ называемыхъ интеллектуальныхъ чувствъ, и самымъ подходящимъ терминомъ для его обозначенія будетъ „чувство реальности“. Въ той мѣрѣ, въ какой признаются правыми интеллектуализмъ и эмоціонализмъ въ теоріи вѣры, надо считать ошибочной волюнтаристическую теорію. Но косвенное вліяніе на вѣру воля всетаки имѣетъ: путемъ постепенныхъ и долгихъ усилій она можетъ измѣнить складъ нашихъ идей и вмѣстѣ съ ними увлечь нашу вѣру въ другое русло. А съ другой стороны, если воля не въ состояніи непосредственно управлять нашей вѣрой, то вѣра, наоборотъ, несомнѣнно управляетъ волей—въ силу закона идеомоторныхъ дѣйствій. Итакъ, избѣгая односторонностей и объединяя то цѣнное, что есть въ

разныхъ теоріяхъ вѣры, послѣднюю надо опредѣлить, какъ *представленіе объекта, соединенное съ чувствомъ его реальности и выражающееся въ соответствующихъ ему стремленіяхъ и волевыхъ актахъ* (Гл. 2. „Понятіе вѣры“. Стр. 12—27).

Анализъ понятія вѣры показываетъ, что между элементами ея существуетъ опредѣленное отношеніе взаимной зависимости, и, притомъ,—такъ, что ихъ исходнымъ пунктомъ и ихъ психологическою основою всегда служитъ элементъ интеллектуальный, занимающій въ процессѣ вѣры относительно самостоятельное положеніе и непосредственно опредѣляющій всѣ остальные. Поэтому именно въ свойствахъ представленія должны мы искать основного условія вѣры. Такимъ условіемъ является *живость представленій и идей*. Мы вѣримъ въ то, что живо представляемъ и мыслимъ. Наиболѣе твердую и непоколебимую увѣренность въ реальности вещей внушаютъ намъ ощущенія, а они суть самыя живые, самыя яркіе, самыя конкретныя элементы нашего сознанія. Такъ какъ обыкновенно показанія нашихъ чувствъ не возбуждаютъ ни малѣйшихъ сомнѣній, то и въ жизни, и въ наукѣ чувственный опытъ считается самымъ рѣшительнымъ критеріемъ достовѣрности. Только явная иллюзорность воспріятій да патологическое ослабленіе ихъ подъ вліяніемъ какихъ нибудь навязчивыхъ идей (*idées fixes*) могутъ нарушать эту общечеловѣческую вѣру въ реальность явленій чувственного міра; но даже и эти исключенія служатъ только подтвержденіемъ общаго правила. Иллюзорное воспріятіе въ моментъ своей непосредственной живости всегда принимается нами за настоящую дѣйствительность; и только когда оно, подъ натискомъ враждебныхъ ему элементовъ (апперцептивныхъ нормальныхъ представленій), теряетъ свою первоначальную живость, мы начинаемъ сомнѣваться въ его реальности. Анализъ же патологическихъ явленій такъ называемой маніи сомнѣнія показываетъ, что у страдающихъ ею людей ихъ ощущенія и воспріятія не внушаютъ имъ болѣе довѣрія только потому, что у нихъ имѣетъ мѣсто ослабленіе нормальной живости ощущеній и воспріятій, та смутность и тупость ихъ, которую психіатры называютъ парестезіей и дизестезіей (Гл. 3. „Основной законъ вѣры. Вѣра въ ощущенія“. Стр. 27—42).

Если вѣра въ ощущенія и воспріятія обуславливается ихъ

живостью и исчезает вмѣстѣ съ нею, то вѣра въ реальность представленій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова имѣетъ тѣ же самыя психологическія причины. Представленія суть образы минувшихъ ощущеній, и чѣмъ они ближе къ ощущеніямъ по своей ясности, тѣмъ реальнѣе они намъ кажутся. Страдающіе маніей сомнѣнія слишкомъ плохо помнятъ тѣ вещи, въ которыхъ они сомнѣваются. Во всѣхъ доступныхъ наблюденію патологическихъ случаяхъ вѣра въ воспоминанія слабѣетъ и усиливается прямо пропорціонально ихъ живости. Этотъ законъ не опровергается и фактами живыхъ творческихъ образовъ фантазій. „Общеизвѣстный фактъ,—говоритъ Дегальтъ Стюартъ,—что когда воображеніе очень живо, мы склонны приписывать его объектамъ дѣйствительное существованіе“. Изученіе гипнотическихъ галлюцинацій убѣждаетъ насъ въ томъ же (Гл. 4. „Вѣра въ представленія“. Стр. 42—63).

Гораздо сложнѣе представляются условія и законы вѣры въ отвлеченныя идеи. Но и здѣсь ближайшею, непосредственною причиною вѣры является живость самыхъ идей. Разнообразныя умственные и эмоціальныя вліянія выдвигаютъ идею на передній планъ въ нашемъ умѣ, сосредоточиваютъ на ней наше вниманіе, даютъ ей яркія репрезентативныя или интеллектуальныя формы,—словомъ, заставляютъ насъ живо представлять или мыслить ея содержаніе. И если такая идея внушаетъ намъ вѣру въ ея дѣйствительность, то эта вѣра является лишь простою неизбѣжною функціей ея живости. Характеръ вѣры въ идеи зависитъ отъ возможности и способа ихъ представленія. Сами по себѣ отвлеченныя идеи могутъ не имѣть чувственныхъ формъ; но общечеловѣческой опытъ свидѣтельствуетъ, что ихъ реальность становится для насъ гораздо яснѣе и ощутительнѣе, если намъ удастся представить ихъ въ чувственныхъ формахъ. Въ этомъ случаѣ живость чувственнаго образа усиливаетъ живость самой идеи и дѣлаетъ ее болѣе доступною вѣрѣ. Идея и образъ слагаются здѣсь въ ясный репрезентативный синтезъ, который дѣйствуетъ на сознаніе сильнѣе чистыхъ понятій. На этой потребности въ живыхъ и ясныхъ образахъ основывается вся символика. Нигдѣ вѣра такъ не нуждается въ конкретномъ и чувственномъ символѣ, какъ въ области религіи. Отсюда психологія религіоз-

ной символики, мистики и т. п. получает громадное значеніе для познанія природы вѣры ¹⁾ (Гл. 5. „Вѣра въ идеи—образы“. Стр. 63—90).

Вѣрить въ дѣйствительность идей мы можемъ и въ томъ случаѣ, когда не представляемъ ихъ себѣ подѣ чувственными символами или въ конкретныхъ образахъ, когда онѣ не обладаютъ для насъ репрезентативной живостью; мы тогда ихъ не представляемъ, а мыслимъ. Здѣсь психологическимъ условіемъ вѣры является опять тоже живость, но уже не живость представленія, а живость мысли. Последняя есть *центральное положеніе идеи въ сознаніи*, или по крайней мѣрѣ *присутствіе ея въ фокусъ сознанія*. Если идея всецѣло овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, если она выдвигается въ сознаніи на первый планъ, если она оказываетъ могущественное вліяніе на остальные элементы душевной жизни, то она пріобрѣтаетъ въ нашемъ умѣ такую яркость и силу, что вѣра въ нее становится для насъ неизбѣжной. Даже оставаясь на стадіи простого понятія, идея можетъ вызывать глубокое и невольное чувство реальности. Такія свойства она получаетъ въ двухъ случаяхъ: 1) когда она не встрѣчаетъ въ душѣ никакихъ элементовъ, способныхъ ей противорѣчить, или 2) когда она находитъ здѣсь вліятельную и родственную группу явленій, которая можетъ дать ей точку опоры и обезпечить ея побѣду надъ другими, враждебными ей элементами. Первый случай наблюдается главнымъ образомъ на низшихъ ступеняхъ духовнаго развитія (дѣти и дикари), второй—въ умственной жизни культурныхъ людей. Последній случай особенно интересенъ для психолога. Непосредственной причиной вѣры и здѣсь служитъ живое воспріятіе идей; но живость этого воспріятія обуславливается уже не столько слабостью враждебныхъ идеямъ

¹⁾ Здѣсь авторъ приводитъ и анализируетъ множество чрезвычайно любопытныхъ фактовъ и примѣровъ (иконопочитаніе, церковные обряды и церемоніи, паломничества, видѣнія, боговидѣніе и богоощущеніе блаженнаго Августина, мистическія интуиціи и эмоціи, видѣнія „свѣта“. другія „аналогіи ощущеній“—до запаха ереси включительно, видѣнія Катерины Сиенской, Маріи Агредской, Св. Терезы, Игнатія Лойолы и под.), показывающихъ, какъ далеко можетъ заходить стремленіе къ чувственному овладѣнію идеями, и какъ важна для силы вѣры степень живости служащихъ ея дѣлямъ образовъ и представленій (стр. 66—90).

ассоціацій, сколько силою родственных имъ психическихъ синтезовъ. Соединяясь въ прочную и устойчивую систему, идеи овладѣваютъ вниманіемъ, мыслятся живо и ясно и благодаря этому простому факту пробуждаютъ чувство реальности; диссоціируясь вслѣдствіе внутренней слабости или распадаясь послѣ столкновенія съ другою вліятельной группой психическихъ элементовъ, онѣ сходятъ со сцены, становятся слабыми и смутными и вмѣстѣ съ тѣмъ перестаютъ быть предметами вѣры. Психологическій механизмъ, управляющій здѣсь вѣрой, можно было бы выразить въ двухъ словахъ: *вѣра есть функція живости идей, а живость идей есть функція ихъ синтеза*. Что касается послѣдняго, то умственные синтезы могутъ имѣть подъ собою какое-нибудь изъ трехъ основаній: теоретическую истинность, моральную необходимость или практическую полезность. Отсутствіе господствующаго синтеза даетъ разные типы скептиковъ, наличность—ту или иную форму вѣры. Идеальный типъ убѣжденнаго человѣка, „вылитого изъ одного куска“, въ дѣйствительности не встрѣчается. Міръ вѣрованій, идей и интересовъ всегда разбивается у человѣка на нѣсколько группъ, которыя существуютъ совместно въ его душѣ и часто совсѣмъ не задѣваютъ другъ друга. Главныхъ изъ этихъ группъ четыре: 1) группа чувственныхъ представлений о вещахъ; 2) группа научныхъ и философскихъ идей о мірѣ; 3) группа практическихъ интересовъ и цѣлей и 4) группа этическихъ идеаловъ и религіозныхъ вѣрованій. Въ разное время люди живутъ въ различныхъ сферахъ идей и отношеній, въ различныхъ „мірахъ реальности“, какъ выражается Джемсъ. Но всетаки обыкновенно въ душѣ человѣка какая-нибудь изъ этихъ группъ преобладаетъ. Это преобладаніе опредѣляется сложными вліяніями среды—соціальной (семья и общество), интеллектуальной (школа и книги) и исторической (эпоха, въ какую живетъ человѣкъ (Гл. 6. „Вѣра въ чистыя идеи“. Стр. 91—120).

Изъ представленнаго обзора содержанія книги П. П. Солодова легко видѣть ея *научное значеніе* и не трудно понять, въ какое положеніе относительно ея долженъ стать оцѣнивавшій ее *философъ и богословъ*.

Авторъ называетъ свою книгу „психологическимъ очеркомъ“, а первоначально,—въ томъ видѣ, какой она имѣла